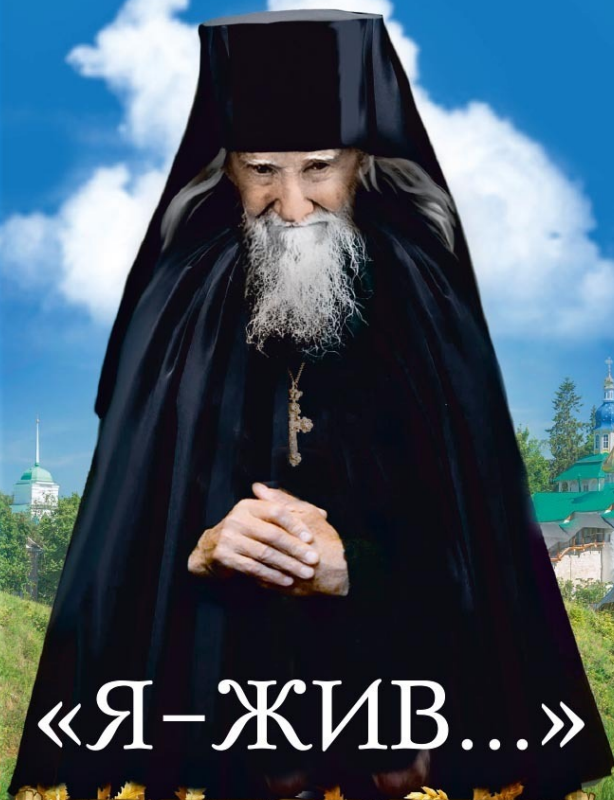

ДИАКОН ГЕОРГИЙ МАЛКОВ

«Я-ЖИВ...»

АРХИМАНДРИТ АФИНОГЕН,
В СХИМЕ АГАПИЙ (АГАПОВ)

Георгий Малков

Я – жив. Архимандрит Афиноген (Агапов)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73485383*

*«Я – жив...». Архимандрит Афиноген, в схиме Агапий (Агапов),
постриженник Макарьевский, старец Псково-Печерского монастыря
(1881–1979). Жизнеописание, поучения, дневник, письма: Издательство
Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря; Печоры; 2022
ISBN 978-5-905113-60-4*

Аннотация

Эта книга – наиболее полное жизнеописание Псково-Печерского схиархимандрита Агапия (Агапова; 1881–1979), более известного как старец Афиноген, поскольку великую схиму (с традиционной при этом переменной имени – став Агапием) он принял перед кончиной.

В отличие от прежде изданных исторических материалов о старце, здесь говорится о нем также как и о насельнике другого (новгородского) монастыря – Воскресенской Макарьевской пустыни, где он впервые появился в 1903 г., затем принял монашеский постриг и оставался (с вынужденными «перерывами» на время тюремных заключений и ссылок) вплоть до времени закрытия пустыни большевиками в феврале 1932 г.

Промыслом Божиим старец Афиноген оказался в 1944 г. в Псково-Печерской обители, где он по-монашески «добре» прожил еще 35 лет, долгое время будучи духовником всей монашеской братии (как и духовным отцом – наставником многих мирян), и где он с честью погребен в монастырских пещерах...

В книге представлены также поучения старца Афиногена, его дневник (келейные записки) и письма, а также весьма ценные воспоминания о нем его келейницы, ухаживавшей за старцем до самой его кончины, – монахини Надежды.

Содержание

Введение	8
I. Жизнеописание архимандрита Афиногена, в схиме Агапия	21
На пути к «хозяину вечному»	23
«Уйти в монастырь...»	23
Двадцать лет в Макарьевской пустыни	34
Впервые под чекистским «судом»	47
Трагедия «иосифлянства» и «святая ночь» Макарьевской пустыни. Исповедничество отца Афиногена	54
И вновь у престола Божия...	80
«Проданный» отец Афиноген. Встреча с Псково-Печерскими монахами	86
Отец Афиноген – старец Псково-Печерской обители	93
Из воспоминаний Н. А. Крыловой о старце Афиногене	105
На пороге вечности	118
«Помни о конце твоём...» – «только дух...»	124
II. Жизнь, ставшая житием	132
Монахиня Надежда	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

**Диакон Георгий
Малков (Малков
Юрий Григорьевич)**

«Я – жив...»

**Архимандрит Афиноген,
в схиме Агапий
(Агапов), постриженник
Макарьевский, старец
Псково-Печерского
монастыря (1881–
1979). Жизнеописание,
поучения, дневник, письма**

Архимандрит Афиноген в схиме Агапий (Агапов)

© Малков Ю. Г., 2022

© Оформление. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2022

Введение

...Христос будет наш Царь, а мы – Его дети; что попросим, то Он все нам даст, и будем жить без печали.

Архимандрит Афиноген

Вся история древней Свято-Успенской Псково-Печерской обители, насчитывающая уже более пяти столетий, есть, прежде всего, история непрерывного духовного подвига, молитвенного предстояния ее иноков пред Господом и Его Пречистой Матерью.

Опыт святой жизни лучших представителей пещерского монашества спасителен и назидателен для любого из нас, а духовное их наследие дорого каждому христианину, стремящемуся по мере сил своих подражать подвигу уподобления себя Самому Христу, раскрытия в себе образа Божия, иначе говоря – подражать «преподобию» святых.

Немало здешних духоносных старцев, чьи останки покоятся ныне в знаменитых «Богом зданных» монастырских пещерах – хорошо известны в истории как местной псковской, так и общерусской святости. Имена других нам порой даже и неведомы... Но сердца всех их пламенели горячей любовью ко Господу и Пресвятой Богородице, а иноческие труды сонма этих подвижников поистине являют нам образ подлинного монашеского жития.

К числу подобных боголюбивых и многоопытных в «иноческом делании» старцев следует отнести известного старца и духовника братии Псково-Печерского монастыря, приснопамятного архимандрита Афиногена, в схиме – Агапия (1881–1979)¹ [1].

Отличавшийся замечательной простотой, любовью ко всем, кто приходил к нему со своими духовными скорбями и телесными недугами, имевший особую силу молитвы (он «отчитывал» бесноватых и больных, т. е. совершал чтение над ними ряда молитв для изгнания бесов), отец Афиноген безусловно принадлежит к истинному цвету Псково-Печерского старчества.

Кроткий и тихий, он с удивительным терпением переносил выпадавшие на его долю житейские испытания, несчастья и болезни, никогда при этом не ропща и смиренно неся свой жизненный крест. В самые тяжелые годы – в лагерях и ссылках – старец всегда и во всем полагался на волю Божию, укрепляясь молитвой и упованием на одно только милосердие Творца. И Господь – еще при земной жизни отца Афиногена – сторицею воздал ему за смирение и силу его веры.

¹ В книге, наряду с обычными постраничными сносками, указанными арабскими цифрами, имеются и сноски, обозначенные также арабскими цифрами, но заключенными, однако, в квадратные скобки. Такие сноски отсылают читателя к особому разделу книги – «Биографические и библиографические справки», где даются вкратце биографические сведения о наиболее известных церковных деятелях, упоминаемых в тексте, и основная библиография по ним.

Старец Псково-Печерского монастыря архимандрит Афиноген, в схиме Агапий (Агапов)

В последние десятилетия своего жития (ибо в это время жизнь его уже, по сути, претворилась в «житие») старец сподобился различных явлений «міра иного» – когда перед ним раскрывались радостные и дарующие надежду на спасение чұдные картины райских обителей. В такие минуты отец Афиноген, по собственному его свидетельству, предстоял Господу, Царице Небесной, святым угодникам Божиим.

За несколько лет до смерти он уже жил как бы в двух мірах – не только в «дольнем», земном, где по-прежнему вел брань с духами злобы и грехом человеческим, но и в міре «горнем», пребывая в нем – по дару боговидения – в общении со Спасителем и Пречистой Его Матерью. До нас дошли собственные повествования старца (удивительно искренние в своей порой почти детской простоте) о подобных таинственно-благодатных соприкосновениях его с «Божиим міром» – все эти рассказы будут представлены ниже.

С 1960 г. на плечи отца Афиногена легло послушание братского духовника; кроме того, он тогда же начал «отчитывать» бесноватых.

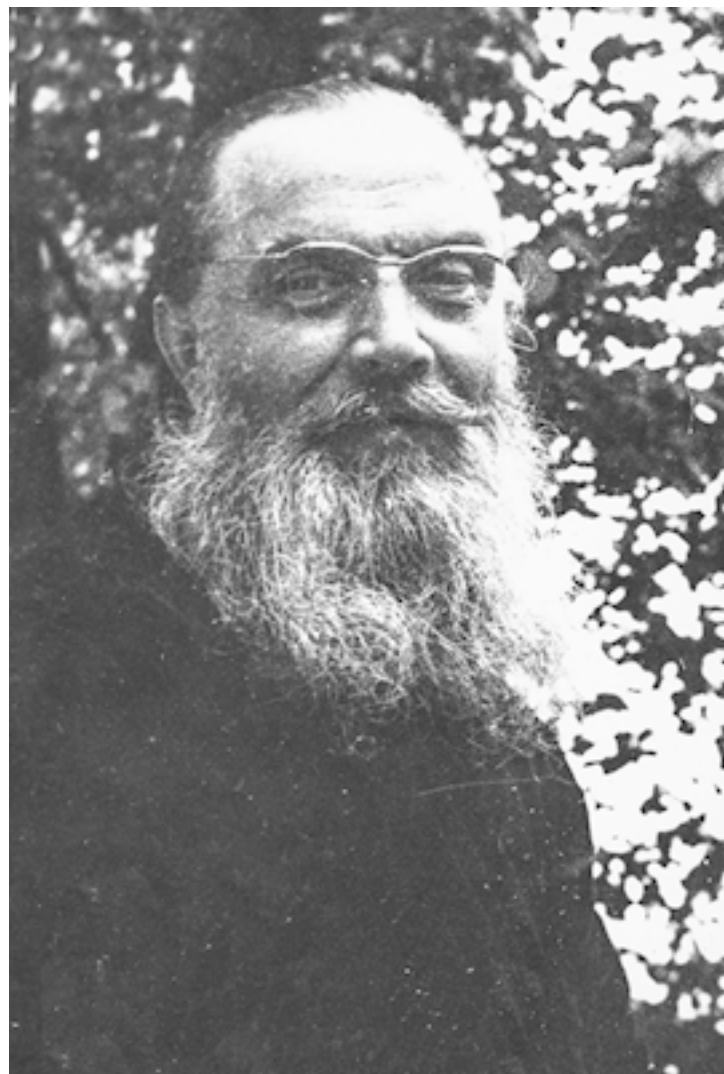
До него в обители этот подвиг нес другой замечательный печерский старец – Симеон (Желнин), прославленный Церковью в 2003 г., будучи причисленным к лику преподоб-

ных [2]. Но незадолго до кончины отца Симеона, во время его болезни, тогдашний наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов) [3] спросил у него о том, кто же сможет взять на себя эту весьма непростую обязанность (в просторечии – «отчитку») после кончины старца. Отец Симеон сразу же назвал отца Афиногена.

Спустя некоторое время отец Афиноген, ничего еще не знавший о разговоре, состоявшемся между архимандритом Алипием и отцом Симеоном, зашел навестить больного старца. Отец Симеон – неожиданно для отца Афиногена – передал ему книги, по которым сам он обычно читал канон и молитвы над бесноватыми, и тут же благословил его «отчитать» несколько человек.

Отец Афиноген, исполнив поручение старца, принес ему книги назад и отдал со словами: «Ну вот – я всех отчитал; теперь знаю, как это делается». Однако отец Симеон вновь вручил ему книги, сказав: «Нет, я дал тебе их уж навсегда».

Так, казалось бы, просто и даже почти обыденно один благодатный старец благословил другого на труднейший подвиг изгнания бесов из душ одержимых страдальцев. Но за внешней простотой такого благословения стояло конечно же внутреннее глубокое доверие старца Симеона к духовной опытности своего собрата, прекрасное знание его смиренного и любвеобильного сердца.

Архимандрит Алипий (Воронов)

При этом следует заметить, что сам отец Афиноген почти никогда ничем не беспокоил старца Симеона, весьма редко бывал у него в келье и особо близко с ним не общался; поэтому (и тем более по свойственному ему смирению) он чрезвычайно удивился такому своему ответственному назначению.

Иеросхимонах Симеон (Желнин)

Но с той поры отец Афиноген три раза в неделю «отчитывал» бесноватых.

Икону, перед которой он совершал молитвенное последование «отчитки», сейчас можно видеть в западной части монастырского храма Успения Божией Матери: это образ святого великомученика и целителя Пантелеимона.

«Отчитывал» людей старец обычно в своей келье; народ, не вмещавшийся порой внутри нее, был вынужден стоять даже в дверях и в коридоре.

Сила молитвы старца была весьма велика – он имел большое дерзновение пред Господом, – и, по милости Божией, многие бесноватые и больные получали здесь исцеление и духовное утешение. Далее будут приведены свидетельства о подобных замечательных случаях.

Естественно, не следует думать, что отца Афиногена посещали только недугующие и одержимые злыми духами люди. Многие его чада стремились попасть в Печоры, чтобы получить совет умудренного Божией благодатью старца. Он нередко разрешал их многочисленные и многотрудные сомнения, помогал советом в житейских делах и вопросах, оказывал поддержку в выпавших на их долю бедах и несчастьях. Для своих духовных детей старец Афиноген всегда находил доброе слово вразумления и укрепления – в одолевавших их искушениях и нападениях врага человеческого рода.

Последние три десятилетия жизни старец провел в особенно большом физическом и духовном напряжении.

С трех часов пополудни до семи часов вечера он принимал у себя паломников, затем шел на богослужение, по возможности каждый день посещая полуношницу. Даже в возрасте, близком уже к ста годам, он легко поднимался по довольно крутой лестнице Михайловского собора. При этом келейница старца – монахиня Надежда (ухаживала за ним в последние годы его жизни и оставила нам дневниковые записки об отце Афиногене, помещенные ниже) порой с трудом поспевала за ним. А он рукой манил ее сверху, с последней ступеньки, и все приговаривал: «Пошли, пошли...» Ежедневно он гулял на «Святой горке» – в монастырском саду, предаваясь здесь углубленной внутренней молитве.

Нередко старец подолгу сидел у себя в келье над книгой, пребывая при этом в совершенном богомыслии. В такие минуты он как бы полностью уходил в себя. Порой, как вспоминает матушка Надежда, он мог просидеть над книгой целый день, даже не переверачивая страниц и только беспрестанно плача: слезный дар его был удивительно велик – он плакал от умиления перед живо ощущаемой им Любовью Божией к «лежащему во зле» миру, плакал он и от скорби за смиренно признаваемые им собственные грехи – как и за грехи всего падшего человечества.

Иногда в подобных случаях монахиня Надежда, пытаясь отвлечь старца от скорбных дум, предлагала напоить его ча-

ем, но он только говорил ей: «Не беспокой меня тем, чего ныне нет в моих мыслях».

Отец Афиноген всегда оставался во всем крайне воздержан, ел мало. Вообще потребности его ограничивались только необходимым для поддержания жизни. Он был очень невысок, худ. «Я – полчеловека» – любил повторять о себе старец.

Его глубоко уважали и часто с ним беседовали многие известные насельники обители, но более всего пребывал он в дружеском общении с отцом Иеронимом (Тихомировым) [4] – столь же, как и он сам, кротким и смиренным монахом.

Архимандрит Иероним (Тихомиров)

Отец Афиноген и отец Иероним почаству сживали вместе возле алтаря перед началом богослужения и вели тихую беседу на различные духовные темы: они понимали друг друга с полуслова, и им хорошо было предаваться вдвоем иноческому богомыслию.

I. Жизнеописание архимандрита Афиногена, в схиме Агапия

Архимандрит Афиноген Ок. 1978 г.

На пути к «хозяину вечному»

«Уйти в монастырь...»

Старец Псково-Печерской обители схиархимандрит Агапий («в миру» – Василий Кузьмич Агапов) родился 24 января² 1881 г. в деревне Карманово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Родители его – Кузьма Агапович и Ирина Дмитриевна – были крестьянами. Младенца назвали Василием – в память святителя Василия Великого.

Еще в раннем детстве Василий почувствовал желание посвятить всю свою жизнь Богу и уйти в монастырь³. О том времени старец пишет в автобиографических записках⁴ так:

«С какого возраста у меня сложилась мысль и желание уйти в монастырь? Родители мои, отец и мать, были неграмотные; у нас в доме не было никаких книг – ни молитв, ни для чтения. Родители были заняты крестьянским делом. Отец любил молиться, поклоны клал; а мать, как встанет с кровати, – ну, перед иконами покивает немного головой и

² Иную дату рождения старца Афиногена – 12 января (т. е. по старому стилю) – указывают исследователи этого периода церковной жизни России М. В. Шкаровский и священник Илья Соловьев в книге «Церковь против большевизма». М., 2013. С. 365 (здесь и далее – примечания автора).

³ У него была и сестра Екатерина, тоже принявшая монашество.

⁴ Документ хранится в архиве Псково-Печерского монастыря.

побежит. Нас учить молиться было некогда, но у меня как-то созрело желание молиться с пятилетнего возраста. Хотя я ничего не понимал, но очень любил слушать взрослых, когда они читают или говорят о чем-нибудь божественном, а особенно – о монастыре, и [через это]⁵ нашел, каким путем себя вывести из тьмы греховной».

Но мысли об этом пути – пути иноческого жития – довольно скоро оставили Василия. «После того моего порыва уйти в монастырь, – пишет старец, – прошло четыре года, и мои желания заглохли, и я забыл о монастыре».

На восьмом году от роду мальчика отдали учиться в земскую трехклассную школу, а позже – уже тринадцатилетним отроком – он был определен родителями на дальнейшее обучение и работу в швейную мастерскую в Санкт-Петербурге. Мастерская эта принадлежала его дяде – тот одновременно являлся и крестным отцом Василия.

Так началась с 1894 г. его жизнь в российской столице.

К годам обучения Василия швейному делу относится краткий, но многозначительный рассказ, записанный самим старцем много десятилетий спустя – в пору, близкую уже ко времени его кончины. Это свидетельство отца Афиногена о чудесном событии, происшедшем с ним тогда в Санкт-Пе-

⁵ В квадратных скобках даются пояснительные слова публикатора документов. Пунктуация в документальных текстах (дневники, воспоминания, цитаты) сохранена оригинальная.

тербурге, в храме преподобного Андрея Критского⁶, во время богослужения.

Как вспоминал старец, «я с другими мальчишками пришел ко всенощной; пришли [мы] к амвону и стали ставить и снимать свечи с подсвечников. А я стою отдельно и смотрю на икону преподобного мученика Андрея Критского. И вдруг я очутился на амвоне – стою на коленях, а старичок меня благословляет – и, наклонив свою головку ко мне, поцеловал меня и скрылся. А я стою на коленях и думаю: “Кто же этот старичок?” А потом, увидев его на иконе, говорю [себе]: “А вот этот самый на иконе и есть”. И я [вновь] очутился за [амвонной] решеткой, где я и стоял [прежде]. И я боялся сказать кому-либо [о случившемся], а потом и забыл; и вот только теперь вспомнил».

В 1902 г. Василия направили в армию для отбывания воинской повинности. Однако, по семейным обстоятельствам, в армии он пробыл недолго и лишь на следующий – 1903 г. – отслужил еще один месяц в ратном ополчении.

В 1903 г. с будущим иноком произошел, казалось бы, совсем незначительный случай, но который, по-видимому, каким-то образом повлиял затем на его дальнейшую жизнь. Событие это связано с именем святого праведного Иоанна Кронштадтского [2], увиденного Василием на Балтийском

⁶ Церковь во имя святого преподобномученика Андрея Критского на Рижском проспекте в Петербурге построена в 1891–1892 гг. в качестве домового храма при фабрике государственных бумаг. В 1923 г. храм был закрыт советской властью; возвращен верующим в 1998 г.

железнодорожном вокзале.

Между отцом Иоанном и Василием не произошло никакой беседы: юноше не удалось даже и приблизиться к батюшке – не то чтобы поговорить с ним. И все же, несмотря на это, впоследствии старец, как бы заново оценивая события прожитой им долгой жизни, склонен был считать, что та мимолетная встреча со знаменитым «всероссийским батюшкой», как называл его православный русский народ, духовным образом особо сказала на всей его дальнейшей судьбе и на решении уйти в монастырь.

О случившемся с ним тогда старец пишет так:

«Это было в 1903 году в воскресенье перед масляной седмицей.

Я и мой товарищ Иван вечером пошли гулять; пришли на Балтийский вокзал и прошли на платформу, где пассажиры садятся в вагон. Идем, и вдруг нам навстречу толпа людей – и мужчины, и женщины. И я слышу, говорят: “Батюшка отец Иоанн идет”.

Ну что же – мы встретились с ними [с батюшкой и сопровождавшими его лицами]. Нужно было бы подойти к нему, взять благословение, а у меня [и] не было этого понятия [о благословении]. Они прошли; я постоял, на них посмотрел и побежал за ними.

Они, – значит, первый – батюшка о. Иоанн, и все его провожатые, – вошли в вагон. И я хотел войти, но они и двери закрыли.

Я остался и думаю: вот так и в Царство Небесное тебе закроют дверь. И пошел обратно... Ну, эта встреча, наверное, и не просто была, но [тогда] на меня она ничего не произвела...»

Однако если внешне эта встреча Василия с отцом Иоанном и не оказала какого-либо особого мгновенного влияния на судьбу будущего юного подвижника, то внутренне она действительно, как чувствовал он впоследствии, «не просто была»: постепенно все явственнее начало совершаться полное духовное преобразование его личности.

И действительно, разве не стала затем вся жизнь отца Афиногена – в его стремлении к Богу и к Его Любви – живым воплощением известной молитвы святого праведного Иоанна Кронштадтского:

«Господи!

Имя Тебе Любовь: не отвергни меня, заблуждающегося.

Имя Тебе Сила: укрепи меня, изнемогающего и падающего.

Имя Тебе Свет: просвети душу мою, омраченную житейскими страстями.

Имя Тебе Мир: умири мятущуюся душу мою.

Имя Тебе Милость: не переставай миловать меня.
Аминь»⁷.

⁷ Цит. по: *Полонский А. В.* Православная Церковь в истории России (Синодальный период). М., 1995. С. 69.

Вскоре – после случившегося на перроне Балтийского вокзала – в душе Василия вдруг вновь пробудилось (до того, казалось бы, совсем утраченное) желание оставить мир и посвятить всю свою жизнь служению Богу и Творцу: принять иноческий постриг в одном из русских монастырей.

В продолжение Великого поста 1903 г. это желание успело не только возродиться, но и, окрепнув, превратиться уже в твердое намерение Василия идти по Руси и искать себе место в какой-либо из святых обителей.

Сам его уход в монастырь достаточно подробно описан старцем: «...Вот наступил Великий пост. Во второе воскресенье вечером наши мастера все ушли гулять, а я не пошел – был один.

Вот выходит хозяин мой – дядя и крестный – и говорит: “Ну, крестник, давай я тебе почитаю “Жития святых”. Я говорю: “Почитай”. Вот он выносит книгу – три месяца в одной книге – Димитрия, Ростовского митрополита, и начал читать житие преп. Иоанна Кущника (память 15 января). Вот он читает, а я со слезами на глазах говорю: “Господи, когда же я пойду в монастырь?” [Чтение это], конечно, – как обычно и бывает, – вызвало такое чувство, [но оно] потом опять заглохло.

Вот дожили до Пасхи, сходили к утрени в 12 часов ночи, послушали пение “Христос Воскресе”. А потом начинается гулянка, и мы не работали четыре дня, все гуляли. Ну а [на] пятый день хозяин уже выдал работу.

Нужно начинать работу, а сам он ушел. А я взял работу, положил ее, а сам сижу, руки опустил, неохота начинать.

А в этот момент вдруг входит хозяин, подходит ко мне и говорит: “Ну, ты что же, крестник, не работаешь?” А я отвечаю: “Ну, крестный, какая работа с праздника?” А он мне и говорит: “Знаешь что, крестник, я тебе надоел, и ты мне надоел, иди-ка поищи другого хозяина”. А я ему говорю: “Да, крестный, пожалуй, я пойду искать другого Хозяина – Вечного”.

Вот я сам удивляюсь, откуда у меня взялись эти слова: “искать Хозяина Вечного”. Об этом я [перед тем] и мысли не имел.

Я говорю: “Ты ходил в монастыри – скажи, где какие монастыри; я пойду в монастырь”.

Ну, тут у нас много было разговору. Он начал меня отговаривать, чтобы я не уходил, но у меня поворота [обратно] не было. Я как-то спокойно себя чувствовал – а он меня не отпускает; и трое суток [дядя] думал, что я изменю [решение], опомнюсь, но у меня не было и мысли, чтобы остаться.

“Когда прииде Божие знание”, тогда я совершенно спокойно ушел в Воскресенье Фомино: сходил к ранней обедне, помолился Матери Божией, попросил [Ее] указать мне путь, куда идти; ну а после обеда крестный отец благословил меня иконой преп. Нила Столобенского [6], и я пошел на Московскую заставу по шоссейной дороге. И по этому моему такому быстрому ходу я предполагаю, что была молитва [обо

мне] отца Иоанна, когда мы встретились с ним на Балтийском вокзале».

Так начался – совершенно неожиданно даже для него самого – путь монашеской жизни отца Афиногена – путь тяжелый, полный всяческих испытаний.

Как рассказывает далее старец: «В 1903 году, 13 апреля, в Фомино Воскресенье⁸, я оставил Петербург со всем его шумом и незаконными соблазнами и пошел пешеходом по Московскому шоссе в какой-нибудь монастырь.

Идя шоссейной дорогой между станциями Тосно и Ушаки, [я увидел, что] на дороге лежал большой камень. На этом камне сидел человек с длинными волосами, в монашеской одежде. Я поклонился ему и пошел дальше. Но он меня пригласил с ним отдохнуть на камне. Я вернулся, сел с ним, и он начал меня спрашивать: откуда я и куда иду. Я же сказал, что иду в какой-либо монастырь – пойду в Новгород, там много монастырей. А он говорит, что “будет здесь недалече станция Любань, а от нее в сторону налево будет монастырь, недавно открыт⁹, там настоятелем игумен Арсений¹⁰”.

⁸ Действительно, Пасха в 1903 г. по старому стилю праздновалась 6 апреля, а «Фомино воскресенье», соответственно, пришлось на 13 апреля.

⁹ Речь идет о Воскресенско-Макарьевском монастыре на реке Лезне, преобразованном в 1894 г. из Макарьевской пустыни. Впрочем, насельниками и богомольцами эта обитель по старой памяти даже и после этого чаще всего продолжала именоваться пустынью. Подробнее о Макарьевской пустыни см. далее, а также в Приложении 1.

Иди туда, он тебя возьмет”. А потом говорит: “А то пойдем в Любань – и я с тобой”.

В деревне Ушаки мы ночевали, но в разных домах. Его – как старого человека – хозяин пустил, а меня не принял – как молодого мальчишку. Мне пришлось проситься у другого хозяина.

На второй день мы дошли до Любани. Он мне показал дорогу, куда идти, а сам сказал, что поедет дальше на поезде. И я пошел в этот монастырь.

[По дороге] встречается [мне] один человек, и, узнав, что я иду в монастырь жить, начал [он] меня отговаривать: чтобы я не оставался в этом монастыре, но [чтобы] идти [мне] в другой, лучший. Я его не послушал, а пошел дальше. Пройдя немного, вижу – еще один человек, и, наподобие первого, начинает хулить этот монастырь и настоятеля и звать меня в Новгород, в богатый монастырь. А я сказал, что дойду сюда, [а] если не возьмут, то туда пойду. И пошел дальше.

Пришел я [в монастырь] – уже стемнело. В странноприимной ночевал; на другой день сходил в церковь к утрени. Спросил одного монаха – как мне увидеть игумена. Он мне говорит: “Еще рано, пожди отдохни, потом увидишь”. Пришел я опять в странноприимную, прошло время часа три – вдруг мне говорят: “Иди, вон там игумен идет”. Я быстро вы-

¹⁰ Игумен Арсений (Алексеев; ум. в 1913 г.) – известный миссионер, посвятивший жизнь антисектантской деятельности и написавший книгу «О почитании Креста», человек весьма непростой судьбы. Подробнее о нем см. далее и в Приложении 2.

шел и подошел навстречу игумену. Поклонился ему до земли. Он меня взял за руку, приподнял и говорит: “Что тебе нужно?” Я говорю: “Батюшка, возьми меня в ваш монастырь жить”. Он спросил – откуда я пришел.

Я сказал, что из Петербурга. Он говорит: “Какую имеешь специальность?” Я сказал, что могу шить одежду. Он говорит: “Ох, милый, нет, тебя я не возьму. Я знаю – петербургские жители мастеровые все порченые, балованные. Наверное, ты убежал от хозяина, у нас хочешь укрыться. Нет, милый, поезжай обратно к хозяину”.

У околицы Макарьевского монастыря

Я говорю, что “нет, я не убежал, у меня и паспорт есть –

ради Бога возьмите”. Долго он еще не соглашался взять, испытывал меня. Уж я потом встал на колени и со слезами на глазах стал просить. Тогда он за руку поднял меня и сказал: “Ну, ладно, милый, оставайся, посмотрим, как ты будешь жить. А теперь иди, вот там землю помогай возить на огород и копай гряды”. Я с радостью побежал от него. И так – с 19 апреля 1903 года¹¹ – я начал жить в монастыре преподобного Макария Римлянина [тогда – Новгородской губернии]».

Спустя четыре месяца после поступления в Воскресенско-Макарьевскую обитель Василий был вынужден отправиться в свой уездный город Вышний Волочек «отбывать ратное воинское учение» в течение сентября.

По окончании же месячного срока он приехал в родную деревню – проститься с отцом и матерью. Прожив здесь неделю, юноша упросил наконец отца отпустить его в монастырь. Кузьма Агапович, хотя и с некоторым сожалением, дал все же Василию свое родительское согласие, даже благословив его при этом, как ранее и крестный, маленькой иконкой преподобного Нила Столобенского.

С радостью вернулся Василий в монастырь преподобного Макария.

Иноческая братия и послушники обители на сей раз

¹¹ Судя по рассказу отца Афиногена (а он, как говорит, прибыл в пустынь на второй день к вечеру), этот день должен был быть 14, а не 19 апреля. Впрочем, на письме цифры 4 и 9 бывают весьма схожи, и здесь могла иметь место просто ошибка машинистки при перепечатывании рукописного текста старца.

встретили его весьма приветливо.

Двадцать лет в Макарьевской пустыни

Макарьевская пустынь возникла еще в первой половине XVI столетия – благодаря пришельцу из Рима, сначала постригшемуся у преподобного Александра Свирского (и получившему от него при монашеском постриге имя Макарий), а затем, по благословению этого великого подвижника, поселившемуся в глухих новгородских болотах, где впоследствии и возник небольшой монастырь. Макарий построил и первый тут (в 1540-х гг.) деревянный Успенский храм.

В начале XVII в., в эпоху Смутного времени, обитель была разрушена шведскими войсками Делагарди, затем вновь восстановлена и, еле-еле сводя концы с концами, просуществовала так до середины XVIII в. В 1761 г. здесь даже возвели новый деревянный Успенский храм, но, увы, по причине здешней бедности и малолюдности обитель все-таки закрыли, превратив ее храм в приходскую церковь.

В августе 1894 г. Синод постановил: открыть на месте бывшей пустыни обитель под названием «Воскресенский практически-миссионерский монастырь» – прежде всего для борьбы с сектантством. Тогда же из петербургской Александро-Невской лавры прислали и настоятеля, призванного возглавить это благое дело, – известного в то время миссионера, иеромонаха Арсения (Алексеева).

Отец Арсений начал служить в монастыре, но вскоре же случилась большая беда – Успенский храм сгорел! Впрочем, уже в феврале 1895 г. началось его полное восстановление, и уже в мае новый – и вновь привычно деревянный – храм стоял на прежнем месте.

Воскресенско-Макарьевская пустынь. Успенская церковь. Фото 1902 года

Обитель же постепенно начала расширяться и укрепляться, а в 1912–1915 гг. в ней был наконец построен и каменный

храм – во имя святого Архангела Михаила.

Первые полтора с лишком десятилетия жизни в монастыре имели особое значение для будущего старца: уже в те годы благодать Божия особенно щедро изливалась в душу новоначального инока.

За несколько лет до кончины старец Афиноген – со все возраставшим в нем чувством христианского смирения – так писал о том давно прошедшем времени: «Вот уже 22 года живу я в монастыре Псково-Печерском, но то мое духовное состояние не посещает меня. Господь дал ищущему и отнял от вознерадевшего. А теперь нет уже силы взыскать потерянное – то благодатное состояние, которое не возвращается».

Разумеется, писалось это, с душевной скорбью и вполне искренне, не в силу какой-либо утраты духоносным старцем умиротворяющей Божией благодати (то, что это не так, хорошо знали из своего опыта общения с ним его собратья-иноки и духовные дети), но лишь по причине все повышавшейся с годами требовательности старца к самому себе и все углублявшегося в нем живого покаянного чувства.

Вот как далее описывает он в своих автобиографических заметках годы жизни в Макарьевской пустыни:

«Послушание мне, конечно, было дано по моей специальности – шить одежду.

Меня радовала установка жизни монастырской, ежеднев-

ное хождение в церковь. И еще больше меня пленили книги Святоотеческие. Когда я стал их читать – и познавать, что [я] есть прах и какая за него [за этот прах – то есть за самого себя] пред Богом ответственность, то я взялся за чувство покаяния. Когда я читал книгу о грехопадении или о высоте добродетели, то не мог себя удержать, чтобы не плакать, [и останавливался], если только кто помешает, – и нередко меня заставляли сидящим за столом с книгой и с заплаканным лицом. Но некоторые братья недоумевали и говорили: “Что это наш брат Василий какой-то невеселый, задумчивый и плачет: наверное – больной”.

Я, конечно, не имел страсти праздношатания – ходить по келиям к другим, празднословить.

Я углубился в чтение книг и молитву Иисусову, а через 7 лет дошел до такого состояния, что не было у меня мысли посторонней: все забыл, и не напоминалось мне мирское; и к этому приложил еще, по совету аввы Дорофея [7], самоукорение, а оно возбуждало чувство покаяния. Когда я коснусь немного самоукорения со смирением, то они у меня вызывали чувство покаяния и слезы. Бывали такие случаи: вот из церкви идешь в трапезную обедать в праздник с братией, сядишься на свое место, и вот – появляется мысль: “Ну, какой ты монах – если ты питаешь свое тело такой вкусной пищей; а душу – чем питаешь? Она – голодная. Горе тебе, монах! Какой ответ дашь на суде Богу?”

И вот на таком самоукорении сразу же рождается чувство

покаяния со слезами. Берешь ложку, подносишь ко рту – а в нее каплют слезы. Кладешь ее на стол и сидишь: уже сыт, ничего не надо больше».

Подобное духовное состояние – чувство сугубого покаяния и слезный дар, хорошо известные в православной монашеской аскетике, – со временем все же несколько ослабело в будущем старце. Случилось это, по собственному свидетельству отца Афиногена, в 1920 г. И все же – из приведенного выше (во Введении) свидетельства монахини Надежды о частом плаче старца над богодухновенными книгами в самые последние годы его жития – становится ясно, что пред самым порогом Вечности благодатный слезный дар вернулся к батюшке вновь.

А жизнь в Макарьевской пустыни все шла и шла своим чередом.

В самом начале 1906 г. игумен Арсений, принявший Василия послушником в монастырь, по распоряжению Священного Синода был отрешен от настоятельства¹². На его место вскоре же назначили иеромонаха Кирилла¹³ – ранее на-

¹² В 1905 г. игумен Арсений на приеме у Государя Николая II подверг резкой критике столичную элиту и духовенство, во многом отступившее, по его мнению, от Православия. Это вызвало недовольство в Синоде, в результате чего отец Арсений был отстранен от управления Воскресенским монастырем и отправлен в Соловецкую обитель.

¹³ Иеромонах Кирилл (Васильев, 1871–1944) – будущий «иосифлянский», а затем «катакомбный» епископ Макарьевский (ранее неверно титуловался в цер-

стоятеля подворья обители (подворье это находилось в Любани).

Новый настоятель дал Василию, помимо прежнего послушания закройщика, еще одно – читать во время монастырской трапезы жития святых и поучения на Евангелие. Кроме того, спустя еще три года игумен (с 1910 г.) Кирилл благословил молодого послушника на чтение в церкви молитв полуношницы, кафизм на утрени, часов и повечерия с канонами.

По прошествии пяти лет жизни в обители – 1 июня 1908 г., в день Пресвятой Троицы, на Малом входе во время литургии – Василий был наконец облачен отцом настоятелем в рясофор. В 1911 г. (10 июля) последовало и пострижение в мантию. Василий получил монашеское имя Афиноген – в память севастиевского епископа-мученика начала IV в. (церковное празднование – 16 июля по старому стилю).

9 декабря 1912 г. отец Афиноген был рукоположен в сан иеродиакона. Произошло это в новгородском Софийском соборе. Богослужение в тот день возглавлял епископ Тихвинский, викарий Новгородский – Андроник [8].

Спустя же четыре с половиной года, 18 июня 1917 г., иеродиакона Афиногена рукоположили в Макарьевской пустыни во иеромонаха; хиротонию совершил известный архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадниц-

ковно-исторической литературе как «Любанский»; впоследствии – схиепископ Макарий). Подробней см. о нем далее и в Приложении 3.

кий) [9].

С 1919 г. отец Афиноген исполнял в обители самые различные послушания. В частности, сначала он был монастырским келарем, а в октябре 1921 г. его назначили монастырским ризничим. Вскоре же последовала и первая награда. В 1922 г. отец Афиноген получил из рук Преосвященного Арсения набедренник. Произошло это в Неделю всех святых – 29 мая – в Макарьевской пустыни.

В самом начале лета 1923 г. в пустынь из Москвы приехали два епископа: Бирский – Трофим (Якобчук) [10] и Аскинский – Серафим (Трофимов) [11]. И, судя по имеющимся ныне более точным, чем прежде, архивным данным, 21 мая / 3 июня 1923 г. именно они тайно рукоположили отца Кирилла во епископа Макарьевского, викария Новгородской епархии¹⁴.

И новопоставленный владыка по-прежнему исполнял здесь настоятельские обязанности.

¹⁴ А вовсе не епископы – Андрей (Ухтомский), Михей (Алексеев), бывший Архангельский, затем якобы Уфимский и Ижевский Стефан (Бех), как считалось ранее.

Епископ Бирский Трофим (Якобчук)

Он все более доверял отцу Афиногену, продолжавшему, как и прежде, исполнять свой монашеский подвиг со столь свойственной ему всю жизнь предельной искренностью, добросердечием и неизменной ответственностью пред Богом и людьми.

Епископ Аскинский Серафим (Трофимов)

К тому времени иеромонах Афиноген сделался уже хорошо известным и среди местных прихожан обители. В пустыни было принято проводить исповедь с вечера и до глубокой ночи. В очередь на исповедь к отцу Афиногену выстраивалась целая толпа. Поэтому порой ему приходилось простаивать в храме до самого утра, выслушивая всех, кто приходил принести покаяние в своих согрешениях пред Господом. Уже должна была начинаться служба, а отец Афиноген все исповедовал народ. Наконец к нему подходил кто-либо из монахов и тихо говорил: «Батюшка, нужно уходить». Тогда только – перед самым богослужением – старец прерывал исповедь.

Случалось, ноги у него от многочасового пребывания без движения так затекали, что он в течение некоторого времени попросту не мог сделать ни шага. Тогда два дьякона брали его под руки, и он с их помощью покидал то место, где исповедовал.

Однако привычная и относительно спокойная жизнь в пустыни все явственней подходила к концу. Грозовые тучи постепенно собирались и над обителью.

Размеренное и прежде столь тихое ее существование, равно как и вседневные пастырские труды отца Афиногена, вот-вот уже должны были прерваться постепенно подкатывающей уже и к Макарьевской обители волной репрессивных

мер нового – атеистического – государства.

И поэтому именно здесь следует сказать хотя бы несколько слов о том, как благое влияние макарьевского иночества сказалось на отце Афиногене в годину тяжких испытаний его веры, его беззаветной преданности Христу – в период большевицкого безбожного нашествия и на Макарьевский монастырь, и на весь окружавший святую обитель мир.

Тогда, когда жизнь по-настоящему впервые проверяла крепость его духа – человека, казалось бы, не слишком и образованного, и пусть очень мягкого по характеру, но неизменно предельно искреннего и внутренне всегда собранного, ответственного перед Богом, – проверяла через все испытания, отпущенные отцу Афиногену Промыслом Божиим, – через тюрьмы, суды, лагеря и ссылки.

И сразу следует сказать: все это он выдержал с честью – и с благодарностью Богу!

Что ж, у него были добрые учителя...

Еще, по сути, юношей учился он монашескому подвигу у отца настоятеля Арсения.

Зрелым же мужем он стал при отце настоятеле Кирилле (Васильеве), насколько известно, полностью доверявшем отцу Афиногену и любившем его.

Любившем – за что?

Надо думать, за его искреннюю простоту, и за сохраненную им природную «детскость» души, и за доброе сердце, и за обретенную им в христианстве подлинную мудрость – без

какого бы то ни было лукавства, за подлинное знание самого смысла человеческой жизни, даруемое нам одной только искренней и подлинной же верой.

Оба они шли по своей монашеской жизни плечом к плечу – и в родной пустыни, и в большевицком пленении, и в бессудных безбожных судах, и в дьявольских тюрьмах.

Они давно оставили мир – и им нечего было терять в нем.

Они давно стали гражданами Неба, и у них был только один Хозяин – Небесный. Тот, Кто Хозяин Вечный...

Потому и знали, как «любят» безбожники таких, как они.

И что ни к чему тут лукавить, ибо пощады все равно не будет!

И потому, решив идти до конца – пусть и труднейшим путем, но с христианской честью, выбрали полное неприятие безбожной коммуно-советской власти, в перспективе готовые влиться в ряды любых защитников Церкви Христовой – например, того же грядущего «иосифлянства»¹⁵.

¹⁵ *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999; *Шкаровский М. В.* Судьбы иосифлянских пастырей. СПб., 2006. (М. В. Шкаровский – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, член Комиссии по канонизации новомучеников и исповедников Санкт-Петербургской епархии, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга – известный исследователь истории Православной Церкви в России новейшего периода (после 1917 г.), в частности, увы, обреченного, по сути, изначально на мученичество, движения «иосифлянства», с которым напрямую оказалась связана как судьба Макарьевской пустыни, так и жизнь будущего Псково-Печерского старца Афиногена.)

Однако до всего этого было еще далеко, и отцу Афиногену предстоял первый его арест – 1923 года.

Впервые под чекистским «судом»

С окончанием Гражданской войны большевицкая власть, ощущая набираемую ею постепенно силу, решила наконец активной заняться уничтожением своего основного духовного врага – Православной Церкви России.

Жесточайшее наступление на Церковь власти предприняли в 1922 г., объявив о так называемом изъятии церковных ценностей – под предлогом якобы помощи голодающим Поволжья. Церковь изначально с пониманием отнеслась к самой идее такого благотворительного акта, оговорив лишь необходимость уважительного отношения к православным святыням.

Однако властям было нужно совсем не это.

Изъятые (и с немалой кровью) ценности до голодающих конечно же не дошли: вымиравшая тогда, в значительной степени «контрреволюционная», по большевицким понятиям, «крестьянская масса» коммунистов вовсе не интересовала. Как нисколько не интересовали их и голодающие Поволжья.

Главное, что в тот момент действительно интересовало большевиков, так это спровоцировать противостояние верующих нарочито кощунственному изъятию церковных свя-

тынь и окончательно расправиться с Церковью под благовидным предлогом спасения голодающих. И события в отдельных случаях развивались по сценарию, который вполне устраивал ЦК и ЧК.

Святейший Патриарх Московский Тихон ответил на большевицкий декрет 1922 г. посланием к православной пастве, в котором заявил о невозможности изъятия тех священных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство: миряне – отлучением от Церкви, священнослужители – извержением из сана»¹⁶.

На местах кампания эта повсюду встречала вполне понятный отпор со стороны монастырей и православных приходов.

Для Церкви представлялось невозможным отдать в руки безбожников – на их поругание – многие из своих святынь: бесценные ковчеги-мошевики, потиры, лжицы и иные предметы, имевшие литургическое употребление. В то же время такие сокровища, как, например, драгоценные оклады и украшения икон, серебряные лампы, подсвечники, передавались Церковью властям (на нужды голодающих и обездоленных) по благословию самого Первосвященника Тихо-

¹⁶ Послание Святейшего Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей. 15(28).02.1922 г. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1994. С. 190.

на.

Однако представителям советского государства не было никакой нужды интересоваться характером конфискуемых предметов. Изъятие их проводилось повсеместно и без всякого разбора – Церковь лишали всего, что только могло представлять материальную ценность.

Понятно, что при таком отношении большевиков к православным святыням происходили различного рода столкновения между представителями властей и верующими; в этих столкновениях, жестоко подавлявшихся сатанинским коммунистическим режимом, проливалась человеческая кровь.

Но многие обители и приходы скрывали, прятали самые чтимые из своих икон, а также мощевики и литургические сосуды.

15 июля 1924 г. в Макарьевскую пустынь из Новгорода нагрянули чекисты. Ими был произведен обыск и найдены спрятанные в обители святыни. По результатам обыска арестовали настоятеля монастыря епископа Кирилла и вместе с ним 15 человек насельников обители, среди них и иеромонаха Афиногена. Всех их увезли в Новгород и поместили в городскую тюрьму.

По окончании следствия состоялся суд. Проходил он в течение трех дней – 28, 29 и 30 января 1925 г. На третий день в 3 часа утра Губернский суд вынес постановление: епископа Кирилла (Васильева) заключить в тюрьму со строгой изоля-

цией сроком на 5 лет.

Чекистские приговоры остальным насельникам Макарьевской пустыни оказались несколько менее суровыми, чем приговор в отношении епископа Кирилла.

Иеромонаха Афиногена приговорили «только» к трехлетней высылке из Северо-Западной области России. Ему даже был предоставлен выбор города, в котором он желал бы поселиться: отец Афиноген избрал местом ссылки небольшой городок Осташков.

Одновременно с этим он, совместно с другими насельниками Макарьевской пустыни, послал апелляцию в Москву. Спустя шесть месяцев из столицы пришло решение с подтверждением приговора Новгородского суда: отец Афиноген был вынужден отправиться в Осташков, куда и прибыл 8 августа.

Здесь каждую неделю ему вменялось в обязанность являться «на отметку» в местные репрессивные органы, где он состоял на учете.

И все же ему, пусть и не без труда, удалось вскоре поселиться в обители преподобного Нила Столобенского – неподалеку от этого города, на одном из островов озера Селигер.

Знаменательно, что именно образками этого святого и благословили Василия Агапова перед уходом в монастырь его отец и его крестный. Так и привел старца Господь, по молитвам преподобного Нила, в самые трудные годы жизни в Столобенскую обитель – пустынное, замечательной красоты

место, расположенное среди протоков огромного озера.

Нило-Столобенская пустынь (современный вид) на озере Селигер, где в 1925–1926 годах подвизался отец Афиноген

Настоятель монастыря архимандрит Иоанникий [12] принял отца Афиногена в число братии и определил ему послушание по специальности – шить и чинить облачения.

Архимандрит Иоанникий (Попов), настоятель Нило-Столобенской пустыни (с 1931 г. – епископ)

По прошествии одного года отец Афиноген отправил в Москву заявление с просьбой освободить его от высылки. Прощение это было неожиданно удовлетворено, а вскоре (дивны дела Твои, Господи!) отец Афиноген получил освобождение – и даже со снятием судимости.

В период с 1927 по 1932 г. он продолжил свою связь с Макарьевской обителью.

Настоятелем ее одно время был отец Ферапонт, живший, однако, уже не в самом монастыре, а на монастырском подворье в Любани.

Отца Афиногена он оставил при себе в городе – помощником, и тот служил в Крестовоздвиженском храме любаньского подворья пустыни.

В самой обители в эти годы уже располагался колхоз; монахам же были оставлены лишь два дома.

В 1929 г. отец Афиноген был награжден золотым наперсным крестом. Решение о награждении принял митрополит Серафим (Чичагов) [13]; само награждение состоялось в Ленинграде 15 апреля – в воскресенье Входа Господня в Иерусалим. Крест на отца Афиногена надел известный владыка (тогда епископ Петергофский) Николай (Ярушевич) [14] – в соборе Александро-Невской лавры.

Однако, по воле Божией, по Господнему неисповедимому

Промыслу, отца Афиногена впереди вновь ожидали тяжкие испытания. Ему предстояло пройти дальнейший – еще более скорбный и мучительный, чем прежде, – путь страданий за Христа в сталинских концентрационных лагерях.

Трагедия «иосифлянства» и «святая ночь» Макарьевской пустыни. Исповедничество отца Афиногена

Переходя ныне к рассказу об еще одной поре мученичества отца Афиногена, достойно перенесенной им ради Христа и Церкви Его – теперь уже в русле так называемого иосифлянства, следует сказать несколько слов о том, откуда оно появилось и что собой представляло.

Название этого движения – «иосифлянство» – связано с именем митрополита Иосифа (Петровых; 1872–1937).

«Иосифлянство» явилось одной из наиболее трагических страниц истории Русской Православной Церкви – в период второй половины 20-х – 30-х гг. прошлого века. К этому времени вся организационная структура Патриаршей Церкви считалась большевицкой властью, по сути, незаконной.

С этим нужно было срочно что-то делать, ибо ее богороческая политика постепенно вела Церковь к определенной неуправляемости (повсюду проводились массовые аресты епископата и священства, и наряду с этим чекистами поддерживались всевозможные раскольничьи группы типа

«обновленцев», пытавшихся заигрывать с новой властью).

Иеромонах Афиноген. Фото 1929–1931 гг.

После кончины Патриарха Тихона и затем ареста в декабре 1925 г. Местоблюстителя Патриаршего престола, митрополита-священномученика Петра (Полянского), по распоряжению последнего Заместителем Местоблюстителя стал митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский).

Однако в конце 1926 г. арестовали и Сергия, после чего обязанности Заместителя некоторое время исполнял достойнейший архипастырь и просто добрейший человек – митрополит Ленинградский Иосиф, весьма уважаемый, в том числе и жителями тогдашнего Ленинграда.

Стремясь преодолеть временный кризис церковной власти, спровоцированный большевиками, митрополит Сергей, находясь еще в тюрьме, решил пойти на компромисс с ними, согласившись выполнить ряд выдвинутых чекистами условий. ОГПУ потребовало от него провозглашения – от лица всей Церкви – лояльности к советской власти, с признанием права контроля государственными органами всей церковной жизни – вплоть до назначения архиереев на кафедры и т. п. При этом митрополит Сергей наивно надеялся на прекращение дальнейших репрессий и освобождение заключенных, вообще – на постепенное создание необходимых условий для нормальной церковной жизни, на саму легализацию Церкви как таковой.

Ему это обещали, выпустили его из-под ареста, дали ре-

зиденцию в Москве, и уже в июле 1927 г. он опубликовал требуемый властью документ – так называемую «Декларацию»¹⁷. Однако большевики его обманули и, исходя из самого духа «Декларации», начали регистрацию всех приходов, епархиальных советов и всех архиереев, основную часть которых они попросту отправляли в концлагеря.

Как пишет один из известнейших современных церковных историков: «Несогласие с общими формулировками “Декларации” возникло сразу же после ее публикации. Так, в послании архиереев, заключенных на Соловках, говорилось: “Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства”¹⁸. Критики митрополита Сергия, кроме того, подвергали сомнению само право его как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя выступать с таким основополагающим документом, а также организовывать при себе Временный Священный Синод...

Провозглашение готовности Церкви сотрудничать с советской властью, иметь с ней “общие радости и успехи” с сомнением воспринималось многими верующими в разных

¹⁷ Текст Сергиевой «Декларации» см., например, в кн.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского ин-та св. апостола Андрея, 1996. С. 224–228.

¹⁸ Недаром высказывалось мнение о том, что сама «Декларация» была подготовлена непосредственно в недрах ОГПУ.

частях страны»¹⁹.

Особенно напряженное положение сложилось тогда в Ленинградской епархии, где и клир, и прихожане в целом были особенно настроены против антицерковной политики властей, препятствовавших к тому же возвращению на здешнюю кафедру законного митрополита Иосифа (Петровых), пользовавшегося искренней любовью и уважением и «имевшего большой авторитет у верующих»²⁰.

В августе 1927 г. vikарий, епископ Гдовский Димитрий (Любимов), протоиерей Александр Советов и схимонахиня Анастасия (Куликова) обратились к митрополиту Иосифу с посланием, в котором выражалось несогласие с политикой Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Сергия.

Послание это митрополит Иосиф полностью поддержал.

И вот в сентябре этого же года – новый скандал: митрополит Сергий и его Временный Священный Синод, выполняя требование властей, приняли указ о назначении митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Тот отправил митрополиту Сергию письмо с отказом подчиниться указу.

Ситуация все более усложнялась.

¹⁹ Шкаровский М. В. Иосифлянство // Православная энциклопедия. Т. XXVI. М.: Православно-научный центр «Церковная энциклопедия», 2011. С. 85 и далее.

²⁰ Шкаровский М. В. Иосифлянство // Православная энциклопедия. Т. XXVI. М.: Православно-научный центр «Церковная энциклопедия», 2011. С. 85 и далее.

Некоторые архиереи начали делать заявления о полном разрыве с митрополитом Сергием.

Так, 26 декабря 1927 г. вместе с уже упомянутым епископом Димитрием (Любимовым) подписал акт отделения от митрополита Сергия еще один викарный Ленинградский епископ – Нарвский Сергей [15] (Дружинин; хиротонисан во епископа самим Патриархом Тихоном)²¹, убедившись в том, «что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит».

²¹ Блаженной памяти владыка Сергей включен в состав Собора новомучеников и исповедников Русской Церкви на заседании Синода РПЦ 11 марта 2020 г.

Священномученик Сергей (Дружинин), епископ Нарвский

«В Ленинграде сторонники митр. Иосифа, составлявшие значительную часть духовенства и мирян, требовали уже не только возвращения своего архиерея, но и кардинального изменения церковного курса, проводимого после издания “Декларации” митрополита Сергея»²².

К тому же именно в это время митрополит Сергей издал указ о «поминовении властей» по формуле «О богохранимой стране нашей, о властях и воинстве ея» (предложенной ему ОГПУ). Впрочем, с этим можно было смириться: ведь и Господь призывал Церковь молиться о всех, но что было с еще большей непримиримостью воспринято верующими, так это «отмена поминовения епархиальных архиереев, находящихся в заключении или в ссылке. Теперь уже не только сторонники митрополита Иосифа, но и другие епископы выразили сомнения в правильности выбранной митрополитом Сергием линии.

Они осуждали то, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя допускал совершение епископских хиротоний только с согласия государственных органов, что происходили перемещения архиереев с кафедры на кафедру по политическим мотивам (за несколько месяцев было перемещено

²² Шкаровский М. В. Иосифлянство // Православная энциклопедия. Т. XXVI. М.: Православно-научный центр «Церковная энциклопедия», 2011.

около 40 архиереев), замещения кафедр осужденных архиереев и т. п.»²³.

Таким образом, «иосифлянство» в основе своей явилось вполне естественной отрицательной реакцией православных верующих на безбожие и нарушение многих нравственных христианских законов – равно как в мирской, так даже (нередко, увы) и в собственно церковной жизни.

«Обновленцы», эти якобы тоже «христиане», «либеральноствовавшие» порой до такой степени, что не останавливались даже перед тем, чтобы вешать в алтарях вместо икон портреты Маркса, и в своем «революционном» порыве напрямую порой отрицавшие каноны Православия, – такие «обновленцы» не могли не вызывать у сознательных христиан ничего, кроме чувства отвращения и полного отрицания.

С другой стороны – и достаточно порой лукавые, и, увы, весьма недалекие действия тех, кто пытался надеяться на «милость» со стороны большевицкой власти, стараясь внешне сохранить христианские ценности и даже чуть ли не саму Церковь Христову, – тоже не принимались наиболее верными Ему и наиболее последовательными в своей вере христианами.

Недаром в свое время еще Святейший Патриарх Алексий II так оценил всю ситуацию с «Декларацией» 1927 г.: «Трагедия митрополита Сергия заключается в том, что он

²³ Шкаровский М. В. Иосифлянство // Православная энциклопедия. Т. XXVI. М.: Православно-научный центр «Церковная энциклопедия», 2011.

пытался “под честное слово” договориться с преступниками, дорвавшимися до власти»²⁴.

Следствием всего этого – особенно после провозглашения «Декларации» – и стало появление тогда большого числа так называемых непоминающих, то есть архиереев и представителей священства, не поминавших во время службы митрополита Сергия.

Итог же всего этого – множество мучеников за веру, тысячами расстреливаемых или ссылаемых по всей России большевизским ОГПУ.

Именно в ответ на все подобные интенции в общецерков-

²⁴ Там же. Архиерейская кафедра в Пскове была вовсе упразднена в 1936 г., а в 1939–1940 гг. были закрыты последние церкви в самом Пскове и в соседних Порхове и Острове, в Святых Горах – «так что к моменту прихода германской армии в этой области не было ни одной церкви и ни одного священника, который совершал бы богослужения». Или вот такие прискорбные – при их сопоставлении – данные: «К 1915 году русское православное духовенство насчитывало в своих рядах 140 епископов, 112 629 священников, диаконов, псаломщиков и 29 128 монахов и монахинь, что составляло в целом 141 757 служителей и служительниц Русской Православной Церкви», а «к 1941 году только расстреляно 130 000 представителей православного духовенства», и «в 1941 году русское православное духовенство насчитывало 4 правящих архиерея и около 500 служащих священнослужителей...» (*Георгий Митрофанов, прот.* Церковный геноцид в большевизской России // Православный летописец. № 2. СПб., 2000 (Цит. по: Церковь о нашем времени / сост. В. Шпатаков, К. Годовникова. М., 2004. С. 12–13).) Или: «...к 1939 году в стране из существовавших, по данным Синода, до революции более 54 тысяч церквей оставалось действующими лишь около сотни храмов. В Киевской епархии, где в 1917 году имелось 1710 церквей и 23 монастыря, к 1939 году сохранились только два прихода с тремя священниками и одним диаконом» (*Владислав Цыпин, прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М., 2006. С. 107).

ной жизни того страшного времени и появилось «иосифлянство» и даже гораздо еще более жесткая в абсолютном своем неприятии большевизма «Катакомбная Церковь».

По всей стране шла борьба не только безбожной власти с Церковью Христовой, но даже и в самой Церкви, поскольку многие не приняли основной идеи «Декларации» как полного «примирения» с безбожием власти: более 40 архипастырей вовсе не признали ни канонических полномочий власти Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, ни сути его «Декларации»; тайно поставлялись новые архиереи (и нередко параллельно с уже существовавшими – на тех же кафедрах) – раздирались, по сути, сами Ризы Христовы. И все это происходило как в миру – на приходах, так и в монастырях²⁵.

²⁵ Как совершенно справедливо ныне пишут известные наши церковные историки, излагая современную официальную позицию Церкви: «Декларация 1927 г. и последующие решения митрополита Сергия, принятые под давлением советских властей, вызвали церковное разделение. Большинство духовенства РПЦ согласилось с позицией митрополита Сергия: каноническое существование Патриаршей Церкви в СССР невозможно без признания Советским государством официального статуса органов церковного управления и, следовательно, принятия навязанных властью условий. В то же время значительная часть епископата и клира посчитала такой компромисс с советскими властями невозможным и вышла из повиновения священноначалию РПЦ. Всего от подчинения митрополиту Сергию отказалось более 40 архиереев с частью своей паствы. Наиболее многочисленным и сплоченным церковным течением, оппозиционным митрополиту Сергию, являлось “иосифлянство” – во главе с митрополитом (бывш. Ленинградским) Иосифом (Петровых). Общая численность приходов, присоединившихся к “иосифлянству”, составила ок. 2,5 тыс. (!). Центром движения стал Ленинград, значительное распространение “иосифлянство” получило также в Вят-

Особенно «иосифлянством» была охвачена Петербургская епархия и прилегавшая к ней епархия Новгородская.

При этом следует подчеркнуть, что в «иосифлянской» среде абсолютно не присутствовало каких-либо догматических разногласий с «сергианами»; более того – и сам владыка Иосиф вовсе «не являлся противником официальной регистрации своей иерархии и был готов исполнять законные требования советских органов, не выходявшие за рамки принципов формально провозглашенной в СССР религиозной свободы»²⁶.

Вскоре, впрочем, испытывая на себе явное ужесточение давления со стороны властей, по сути, лишь еще более усилившееся с начала применения в церковной жизни принципов «Декларации», многие православные России также заняли вполне «проиосифлянскую» позицию.

И дело тут было вовсе не в защите верующими любимого и столь заслуженно уважаемого ими владыки Иосифа (фактически в то время почти весь Петербург-Ленинград стал «иосифлянским»), а для многих – даже и не в самой «Декларации», а в том, КАК проводились в жизнь абсолютно

ской, Ижевской, Новгородской, Воронежской, Тамбовской, Краснодарской, Киевской и Харьковской епархиях» (Беглов А. Л., Шкаровский М. В. Катакомбное движение // Православная энциклопедия. Т. XXXI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 643–650).

²⁶ Беглов А. Л., Шкаровский М. В. Катакомбное движение // Православная энциклопедия. Т. XXXI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 643–650.

беззаконные принципы предельно безбожной коммуно-советской властью – при полном притом попустительстве такому страшному положению Церкви со стороны митрополита Сергия²⁷.

Верующих возмущали одновременно и большевицкий сатанизм власти, и предельно мягкотелая при этом позиция Местоблюстителя²⁸.

²⁷ К чему все это постепенно привело, хорошо видно хотя бы, например, из данной в той же статье «Православной энциклопедии» статистики: если «в 1936 г. в стране сохранили регистрацию ок. 14 тыс. приходов РПЦ (из них 12,7 тыс. в РСФСР и 1,1 тыс. на Украине)», то «наиболее тяжелым для Церкви стал следующий, 1937 год, когда лишились регистрации и были официально упразднены более 8 тыс. православных приходов. В том же году советское руководство рассматривало вопрос об окончательной ликвидации легальных структур Русской Церкви и об отмене постановления 1929 г. как “содействующего организованности церковников”. Хотя предложения ряда советских деятелей о полной делегализации Церкви не были поддержаны высшим партийным руководством, закрытие оставшихся церквей активно продолжалось одновременно с репрессиями против уцелевшего духовенства. В начале 1939 г. официальная регистрация сохранилась всего у около 100 храмов в РСФСР и 370 – на Украине. В каждой епархии было лишь несколько действующих церквей, во многих епархиях не осталось ни одной».

²⁸ О современной оценке нашей Церковью происходивших тогда трагических событий см. в Приложении 6. Недаром и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, будучи еще митрополитом Смоленским, самым определенным образом заявил на Архиерейском Соборе 2004 г., что курс, принятый некогда митрополитом Сергием, «Собором Русской Православной Церкви авторитетно... признан не соответствующим подлинной норме церковно-государственных отношений» (Цит. по: На пути к единству. Официальное сообщение о совместной работе комиссий Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви. Совместные документы комиссий Московского Патриархата и РПЦЗ. Комментарии к документу «Об отношениях Церкви и государства» // Церковный вест-

Именно тогда «иосифлянкой» – фактически полностью! – оказалась и вся Макарьевская пустынь во главе с ее отцом-настоятелем, владыкой Кириллом (уже вскоре ставшим схиепископом Макарием).

Тогда же «иосифлянином» оказался и иеромонах Афиноген.

Но вот именно «законники» ОГПУ определили его таким и по форме. Было заведено следственное дело о «контрреволюции и контрреволюционном “иосифлянстве”» отца Афиногена, по версии чекистов, якобы принимавшего активное участие в создании Макарьевского некоего «филиала» – чрезвычайно злодейской ИПЦ!

Как пишет в известной книге о петербургской Александро-Невской лавре церковный историк, профессор М. Шкаровский: «Глубоко трагичной была так называемая “святая ночь” с 17 на 18 февраля 1932 года, когда органы ОГПУ арестовали свыше 500 человек – в основном монахов и послушников, еще проживавших в Ленинграде и пригородах²⁹. Арестованных было так много, что их разделили на несколько групп (по 50–60 человек), на каждую из которых завели отдельное дело. По одному из них, объединившему около 60 подсудимых, проходили 14 насельников Алексан-

ник. М. № 13–14 (314–315). Июль 2005 г. С. 5).

²⁹ Этой ночью во многих местах по стране был осуществлен арест большого числа монашествующих, а ряд монастырей закрыт безбожной большевицкой властью.

дро-Невской лавры и 13 сестер закрытого еще в 1923 году Иоанновского монастыря, проживавших в Феодоровском корпусе лавры...

Арестованные обвинялись в том, что “создали нелегальные монашеские общежития и превратили их в места сосредоточения контрреволюционных элементов и в источники распространения церковно-монархических сочинений, гимнов, контрреволюционных стихов и всяких провокационных контрреволюционных слухов. В сознание верующих систематически внедрялось учение черносотенных теоретиков о примате “бога-царя и царя земного”. Поддерживали тесную связь с заключенным в концлагеря ссыльным духовенством, путем переписки, посылки денег и продуктов. Устраивая нелегальные богослужения, анафематствовали (проклинали) Соввласть, стремясь к реставрации монархического строя”.

22 марта 1932 года Коллегия ОГПУ приговорила большую часть монахов к 3 годам ссылки в Казахстан и Среднюю Азию...

При завершении уничтожения монашества в Ленинграде 17–18 апреля 1932 года были арестованы еще 129 человек, в том числе почти все оставшиеся на свободе насельники лавры»³⁰.

³⁰ Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. 1713–2013. Т. III. 1917–2013 / Шкаровский М. В. СПб.: Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, 2013. С. 188–189.

Вот что вспоминает об этой ночи писатель-публицист, историк обновленчества А. Краснов-Левитин:

«...Наступила светлая и страшная дата, страстная пятница русского монашества, никем не замеченная и сейчас почти никому не известная – 18 февраля 1932 года, когда все русское монашество в один день исчезло в лагерях.

18 февраля в Ленинграде были арестованы: 40 монахов из Александро-Невской лавры, 12 монахов из Старо-Афонского подворья, 25 монахов Сергиевой пустыни, пятеро монахов из Киевского подворья (остальные были арестованы еще раньше – в 1930 г.), 10 валаамских монахов, 90 монахинь из Новодевичьего монастыря, 16 монахинь из Леушинского подворья, 12 монахов Федоровского собора, 8 монахов из “Киновии”, отделения Александро-Невской лавры за Большой Охтой, монахов и монахинь из различных закрытых обителей, живших в Ленинграде, – около сотни. Всего – 318 человек. Была арестована и привезена в Питер вся братия Макарьевой пустыни...

По всей Руси прокатилась волна арестов (главным образом среди монахов). Из белого духовенства был арестован в Ленинграде только лишь отец Александр Медведский (видимо, уж очень намозолил он глаза ГПУ со своими проповедями). Все были отправлены в Казахский край. И из всей этой массы знакомых мне людей вернулось только трое: иеромонах Серафим (Гаврилов), иеродиакон Вукол и ныне здравствующий, единственный оставшийся в живых монах Алек-

сандро-Невской лавры, иеромонах Симеон (Сиверс) – в схиме иеросхимонах Сампсон.

Одновременно в Ленинграде началась дикая вакханалия с закрытием церквей.

На одной неделе было закрыто около двух десятков церквей.

На Петроградской стороне: Введенская, Матвеевская, Алексия, Человека Божия, Иоанна Милостивого, Спаса-на-Колтовской, “Николы Трунилы”. На Выборгской стороне: Спаса-на-Бочаровской. В Лесном – Тихвинская церковь. В центральной части города – Казанский собор и Спасская часовня у Гостиного Двора. На Песках (старое название той части города, которая находится за Московским вокзалом) – церковь Божией Матери Скоропослушницы и Рождественская церковь. В селе Смоленском – Смоленская церковь, церковь Всех Скорбящих Радости, Михаило-Архангельская церковь. В Александро-Невской лавре – все церкви, кроме собора и Духовской церкви. В Московско-Нарвском районе – собор Новодевичьего монастыря и Преображенская церковь. В Коломне – старинное название той части города, которая находится за Мариинским театром, – церковь Михаила Архангела и церковь Спас-на-Вводах.

Через два месяца были закрыты также Покровская церковь (в Коломне) и огромный храм Владимирской Божией Матери на Владимирском проспекте, а также Коневское подворье и еще целый ряд церквей.

Хотели закрыть тогда и великолепный Знаменский храм против Николаевского вокзала. Спас этот храм академик И. П. Павлов. Поехал в Москву лично. Ему обещали этот храм оставить; он был усердным прихожанином Знаменской церкви – там исповедовался и причащался и считался почетным старостой храма. Храм был закрыт и снесен в 1937 г., уже после смерти И. П. Павлова. Все мы очень болезненно переживали этот страшный период; каждый чувствовал себя так, как будто плюют ему в душу; на глазах твоих избивают мать. Ужасное чувство обиды и бессилия. Я его испытал впервые весной 1932 года...»³¹

Именно в ту «святую ночь» суждено было пострадать и отцу Афиногену!

В течение ночи с 17 на 1 февраля 1932 г. были арестованы и все жившие – как в кельях самой Макарьевской пустыни, так и на монастырском подворье по соседству – здешние насельники³². Их привезли в Ленинград и заключили в известную своими весьма жестокими порядками тюрьму «Кресты».

Как вспоминала позднее свидетельница тех событий Наталия Георгиевна фон Китер: «...все монахи и братья Пустыни преп. Макария Римлянина были арестованы и привезены в Ленинград – как опасные преступники, самое присутствие которых угрожает обществу. С ними обращались как

³¹ Краснов-Левитин А. Э. Лихие годы. Париж, 1977. С. 223.

³² См.: АУФСБ РФ СПб., ф. арх. – след. дел, д. П-68567.

с ядовитыми насекомыми, которых нужно раздавить...»³³ И далее: «...“Святой ночью”, как назвал ее народ, была ночь с 17 на 18 февраля 1932 года. Я хорошо помню ее, поскольку 16 февраля умерла моя мать. Незадолго до этого она приняла постриг и была монахиней в миру.

18 февраля наш духовник, иеромонах Вениамин, должен был прийти на похороны. Я долго ждала и решила позвонить ему. Мне сказали: “Он не может прийти; вы понимаете”. Пауза затянулась, и я без слов поняла, что он в опасности. Я хотела найти другого священника, но во всем Петрограде не было священников, кроме обновленцев. В тот день не было священников ни в одном храме! Я побывала на Валаамском подворье. Все священники оттуда были арестованы. Мне повезло, и я нашла доброго батюшку на кладбище. Удивительно, но он не был обновленцем, а ведь только обновленцев оставили на свободе.

Вскоре я услышала о трагедии, происшедшей в Свято-Макарьевском монастыре, и с одним мальчиком-подростком поспешила туда, поскольку знала, что в монастыре не осталось ни одного человека. Церковь была заколочена и охранялась агентами НКВД.

Это был невероятный случай в нашей советской жизни.

Величайшей святыней монастыря были вериги преподобного Макария Римлянина, столетиями выставлявшиеся для

³³ См. подробнее: *Н. фон Кутер*. «Святая ночь» русского монашества. URL: <http://www.rys-strategia.ru/publ/1-1-0-5269>.

почитания верующими. Их нужно было спасти.

Крест преподобного Макария. Фото начала 1910-х гг.

Наша дорога к монастырю пролегла через густой лес и болота. Нам с трудом удалось избежать трясины. Обходя дороги, на которых нас могли заметить, мы пропели молебен преп. Макарию. После долгих блужданий мы наконец достигли монастыря. Разбив окно, мы пробрались в храм и увидели ящик, набитый церковными ценностями.

Я взяла святые вериги преподобного, несколько икон и книг. Св. Макарий сокрыл нас своей мантией от глаз агентов НКВД, и чудом мы не были изловлены.

Я хранила вериги дома, ожидая такого времени, когда можно будет отдать их Церкви. Но и мне было опасно держать их дома.

Тогда я ненадолго отдала их на сохранение своей подруге, близкой мне по духу молодой женщине, соработнице в винограднике Господнем. Она убрала их в ящик своего ночного столика.

Внезапно ее брат, школьник, был арестован и обвинен в религиозной пропаганде. Агенты НКВД ворвались в дом для обыска. Они перевернули все вверх дном, заглянули в каждую коробочку, и только ящик, в котором хранились вериги, не был открыт.

Ничего не найдя, они освободили брата моей подруги. Это было подлинное чудо. Воистину преподобный Макарий сохранил нас всех.

После этого случая я отдала вериги одной надежной монахини, которая забрала их в Москву. Где они теперь?»³⁴

Монастырь же и подворье оказались окончательно закрыты³⁵ – осквернены безбожниками и полностью разорены.

Как и большинству арестованных, отцу Афиногену вменили участие в деятельности так называемой ИПЦ, т. е. «Истинно-Православной Церкви».

В реальной жизни понятие это было достаточно размытым: «истинно-православными христианами» называли себя еще в первой половине 1920-х гг. некоторые наиболее радикально настроенные верующие; на рубеже 1920-х – 1930-х гг. к ним относили ряд «непоминальщиков», т. е. вовсе не признававших каноническую безупречность митрополита Сергия (тем более после его «Декларации»), а потому и не поминавших его за литургией; также и те, кто шел в тот период в так называемую «Катакомбную Церковь», хотя последних в 1930-е гг. оставалось уже и немного. Дьявольское ОГПУ не дремало!

Следует заметить также, что в значительной степени понятие «ИПЦ» было нарочито используется органами ОГПУ-НКВД – и применяемо ими в отношении тех же «иосифлян», – когда чекисты фальсифицировали свои процессы

³⁴ См. подробнее: *Н. фон Кутер*. «Святая ночь» русского монашества. URL: <http://www.rys-strategia.ru/publ/1-1-0-5269>.

³⁵ ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 49, д. 84, л. 22, л. 31, 32.

против монастырей, объявляя их для пущей строгости якобы некими «филиалами ИПЦ».

Именно так произошло и при аресте всех монахов Макарьевской пустыни, когда и их обвинили в создании подобного «филиала».

По прошествии двух месяцев пребывания отца Афиногена в заключении последовало вынесение ему (как проходившему по делу «филиала ИПЦ») приговора следующего содержания: «Василия Кузьмича Агапова заключить в концентрационный лагерь на работы – на три года, с конфискацией имущества»³⁶.

Через два дня отец Афиноген был отправлен в лагерь – сначала в Новосибирск, а затем на страшную стройку сталинского времени – на Беломорканал («Белбалтлаг»).

Тысячи и тысячи заключенных – кто по политическим мотивам, кто по религиозным – лишались здесь своих жизней, трудясь в совершенно нечеловеческих условиях.

Отец Афиноген выжил тогда лишь по милости Божией, по сути – чудом.

Как отмечал позднее старец в своих келейных записках 1968–1971 гг., «... “наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя”. И в тюрьме, и в лагере – везде Господь охранял меня от смертных случаев».

Особенно страдал он тогда от голода. Случалось, что по три дня подряд он не получал своей пайки хлеба – не вы-

³⁶ Документ от 22/03/1932. Статьи: 58–10, 58–11 УК РСФСР.

рабатывая дневной рабочей нормы. Жизненные силы почти совсем оставили его, и, даже выходя из барака на работу, он все норовил по дороге прилечь под каким-нибудь деревцем для минутного отдыха.

Старец, как уже упоминалось ранее, был очень худ и невысок ростом и никогда не отличался особой физической выносливостью (вспомним его собственные слова: «я – полчеловека»). «Как же мне было возможно, – говорил он спустя много лет о своем пребывании в лагере, – сделать то, что делают здоровые люди?»

Однажды в лагерь ему пришла посылка. Чтобы получить ее, отцу Афиногену нужно было проделать немалый путь. В сопровождение старцу дали конвоира. Обессиленный, больной и непрестанно мучимый чувством голода, старец с большим трудом дошел до места выдачи посылки; по дороге он несколько раз падал, но снова вставал и через силу шел дальше. Однако и эту посылку присвоил конвоир. Из ее содержимого отец Афиноген успел взять лишь шарфик да пяток сухарей. Но и тут беды его еще не кончились.

Когда наконец, расстроенный и обессиленный, вернулся он в барак и лег на нары, рядом с ним появились заключенные по уголовным статьям – урки, прослышавшие уже о том, что отцу Афиногену пришла посылка. Они стали требовать поделиться с ними присланными старцу продуктами и вещами. Отец Афиноген сказал, что посылку у него отобрали. Урки не поверили словам старца, сбросили его с нар на пол

и принялись обыскивать. Шарф с него тотчас же сорвали; кроме того, во время обыска из кармана у старца выпали его сухарики – все, что осталось из присланного. Увидев сухари, урки окончательно решили, что монах пытается их обмануть и что на самом деле он где-то спрятал свою посылку. И вот ни в чем не повинный отец Афиноген был еще в довершение всего жестоко избит. Так, по попущению Божию, терпел он холод, голод и побои, полагаясь во всем на волю Господню и надеясь лишь на Его милосердие и помощь.

Спустя некоторое время жизнь в лагере сделалась для него немного легче. Физические нагрузки несколько не уменьшились, но зато отец Афиноген получил неожиданно весьма ощутимое духовное утешение, духовную поддержку: в лагере появился еще один иеромонах. Таким образом, два инока могли хотя бы беседовать на подобающие им темы, а главное, исповедоваться – один другому. Покрывая друг другу голову листом лопуха вместо епитрахили, иноки взаимно по-братски отпускали грехи, и в узах совершая великое очистительное таинство исповеди и покаяния.

В лагере – вместо положенных ему по приговору трех лет – отец Афиноген пробыл два года. Он был освобожден досрочно, и 24 февраля 1934 г. ему определили место жительства – город Малая Вишера Ленинградской области.

По приезде в Малую Вишеру, получив паспорт и встав на учет, отец Афиноген с помощью знакомых нашел себе в городе комнату. Здесь, по собственному его выражению, он

«стал жить, как и прочие граждане нашей страны». Старцу приходилось то работать сторожем, то заниматься рукоделием. Так прожил он в Малой Вишере до самой войны с Германией.

И вновь у престола Божия...

Наиболее тяжким лишением для отца Афиногена в этот период его жизни было отсутствие всякой возможности предстать Престолу Божию – он не служил в церкви со времени второго своего ареста в течение целых девяти лет.

Вскоре после начала войны отец Афиноген вновь оказался в Любани (это произошло 17 августа 1941 г.), и оттуда он уже не вернулся в Вишеру. Немцы внезапно заняли Чудово и Любань, и старец остался на оккупированной территории.

Из политических и пропагандистских соображений немецкие власти старались продемонстрировать свое терпимое отношение к представителям православного духовенства и верующим.

В результате появилась реальная возможность вновь начать служить во многих закрытых ранее большевицкой властью храмах: в Прибалтике, в Псковской области, а также частью в Ленинградской и Новгородской областях в то время действовала так называемая Псковская миссия³⁷, поддер-

³⁷ См. подробнее о ней, например: *Обозный К. П.* История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество лю-

живаемая выдающимся святителем, неизменно остававшимся в юрисдикции Московской Патриархии, – митрополитом Литовским Сергием [16] (Воскресенским). В Миссии было задействовано большое число представителей православного клира, среди которых оказался и отец Афиноген.

бителей церковной истории, 2008. (Там же – необходимая библиография по теме.)

Митрополит Сергей (Воскресенский)

Вскоре же после захвата оккупантами Любани местные жители, еще хорошо помнившие этого достойного иеромонаха, попросили немцев разрешить ему возобновить богослужение в здешнем храме – и те не стали чинить препятствий. 11 сентября 1941 г., в день памяти Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, отец Афиноген совершил в любанской Петропавловской церкви свое первое – после столь длительного перерыва – богослужение³⁸.

Верующие жители города были очень рады тому, что в их храме вновь начались церковные службы: множество народу стало приходить к отцу Афиногену исповедоваться – впервые за все эти долгие годы и причащаться Святых Христовых Тайн.

Радость же отца Афиногена была безмерна: он вновь предстоял Господу – пред Его святым Престолом! Так прослужил отец Афиноген в Любани до 1 апреля 1942 г. Затем его перевели в Тосно, где он совершал богослужения в местном храме во имя иконы Божией Матери «Казанская» до 26 октября 1943 года.³⁹

³⁸ Петропавловская церковь в Любани была действующей в период с сентября 1941 по 1943 г. И среди нескольких ее клириков именно иеромонах Афиноген занимал до апреля 1942 г. главенствующее место.

³⁹ Его имя находится в числе служащих этого храма в Тосно («Список приходов Псковской православной миссии. Санкт-Петербургская епархия (117 храмов). Новгородский уезд»). См. подробнее в кн.: *Шкаровский М. В., Илья Соловьев,*

И как раз в это время ему вдруг пришлось столкнуться с очередной неожиданной бедой – его начал нагло шантажировать некто Амозов, вкравшийся в доверие как к главам Псковской миссии, так и к немецким местным оккупационным властям. Скрыв, что являлся прежде коммунистом, и заявив, что он, мол, репрессированный большевиками священник, этот проходимец начал требовать от своих же сослужителей-священников деньги, угрожая им в случае отказа возможным арестом – по его же доносу немцам⁴⁰.

И. В. Амозов – аферист, когда-то псаломщик, затем партиец, чекист-особист, случайно попавший в немецкое окружение и лагерь, где объявил себя священником, был оттуда немцами выпущен и обманом проник в ряды Псковской миссии. Впоследствии этот лжесвященник, втеревшись в доверие начальства Миссии, был даже назначен благочинным над 8 приходами (Вырица, Мга, Лезье, Саблино, Поповка, Тосно, Любань и Ушаки). Здесь он писал доносы в СД⁴¹ и подводил под немецкие расстрелы некоторых своих коллег, затем переправился в Псков, далее в Таллин, где был в июне 44-го

свящ. Церковь против большевизма (Митрополит Сергей (Воскресенский) и Эзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941–1944 гг.). М., 2013. С. 270. Между прочим, там же указана – как действующая уже в конце 1941 г. – и Макарьевская пустынь – во главе со схиепископом Макарием (Васильевым), келейником которого был тогда иеродиакон Вукол (Николаев).

⁴⁰ См. подробнее о нем: *Обозный К. П.* Указ. соч. С. 352–361.

⁴¹ Служба безопасности рейхсфюрера (сокр. нем. SD от Sicherheits Dienst, рус. СД).

арестован эстонской полицией и затем освобожден в сентябре – уже после прихода Красной армии. Оттуда он направился в Ленинград, где, впрочем, вскоре был вновь арестован и вместе с другими членами Миссии осужден на 20 лет лишения свободы в ИТЛ.

К чести Миссии следует добавить, что это был единственный, исключительный случай пребывания такого лжепастыря-проходимца в ее рядах⁴².

«Как правило, доносы Амозов писал в корыстных интересах, из-за личной выгоды; занимался шантажем, то есть запугивал людей, вымогая у них деньги, вещи и т. п. Так, например, иеромонах Афиноген (Агапов) из Тосно подвергся давлению Амозова, который требовал 300 рублей, угрожая в противном случае упрятать о. Агапова в тюрьму»⁴³.

Возможно, что именно этот аферист и способствовал тому, что 28 октября отец Афиноген был вывезен немцами в качестве рабочей силы в латвийский город Тукумс.

Однако, как говорится, нет худа без добра.

Хозяин Вечный явно не забывал о Своем верном слуге Афиногене, и Промысл Божий продолжал заботливо вести его дорогами жизни...

⁴² См. подробнее: *Обозный К. П.* Указ. соч. С. 357–359.

⁴³ По материалам Архива УФСБ по Псковской области. Д. АА 10676. Т. 3. Л. 713 об. См. подробнее: *Обозный К. П.* Указ. соч. С. 358.

«Проданный» отец Афиноген. Встреча с Псково-Печерскими монахами

В Латвии отец Афиноген ненадолго оказался как бы в некоем подобии рабства.

Как через много лет рассказывал он об этом своей келейнице Надежде, его выставили тогда «на продажу» на базаре (с целью пополнения работниками местных латышских ферм) – в обычном для священника виде, то есть прямо в рясе и с крестом на груди: «Молодых отправили в Германию, а старых здесь распределяли. Я уже пожилой был... Вот подошел латыш, говорит: “Батюшка, я тебя куплю” – и ушел за подводой. А тут другой подходит и то же самое говорит... Да ведь уже с первым уговор был. Вот тот подогнал подводу и отвез меня к себе. Дали мне домик, а рядом и храм оказался – так я там все время и служил». При этом батюшка помогал, конечно, и в сельскохозяйственных работах.

Латыш, по счастью, оказался человеком добрым и отца Афиногена никогда не обижал. Завершая тогда свой рассказ келейнице, старец Афиноген в шутку заключил: «Так что я у тебя – проданный».

Впрочем, в здешнем храме он прослужил совсем недолго – всего не более трех месяцев – и вскоре, в соответствии с распоряжением епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) [17], оказался в Митавском уезде – в Преображенской Валгунд-

ской женской пустыни⁴⁴. Прибыл он сюда в феврале 1944 года, прожил тут до сентября, но затем его переселили в Ригу – в женский Свято-Троицкий монастырь⁴⁵, филиалом которого и являлась пустынь.

⁴⁴ Свято-Преображенская пустынька – скит Свято-Троицкого Рижского женского монастыря Латвийской Православной Церкви. Расположен близ местечка Валгунде Елгавского района, в 15 км от Елгавы. Основан в 1894 г. фрейлиной Наталией Мансуровой, постриженной в монашество в 1901 г. с именем Иоанна (в честь преподобного Иоанна Лествичника) и возглавлявшей пустынь до своей кончины в 1934 г. В пустыньке – два храма: каменный Спасо-Преображенский (1899 г.) и деревянный, в честь преподобных Иоанна Лествичника и Сергия Радонежского (1908 г.). В период после Второй мировой войны духовное возрождение скита началось с 1953 г. – с назначением духовником обители воспитанника Валаамского монастыря, архимандрита Кирилла (Смирнова) (в схиме Косьмы). Позже духовником здесь стал архимандрит Таврион (Батозский).

⁴⁵ Свято-Троицкий монастырь в г. Риге – женская обитель Латвийской Православной Церкви. Основана в 1891–1892 гг. Марией Мансуровой и ее дочерьми – фрейлинами Двора – Екатериной и Наталией. Община получила статус монастыря в 1901 г. Первый – деревянный – храм во имя преподобного Сергия Радонежского построен и освящен в 1893 г. В 1902–1907 гг. был возведен каменный Троицкий собор. Монастырь содержал детский приют и школу при нем, богадельню, кухню-столовую для бедных. В 1915 г. в период Первой мировой войны обитель (около 200 сестер) была временно эвакуирована под Новгород, в Савво-Вишерский монастырь. В 1941–1944 гг. в рижской обители жил Экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский). Близкая духовная связь сложилась у Рижского монастыря с Псково-Печерским, из которого ежегодно в Ригу прибывала чудотворная икона Божией Матери «Умиление» (список с той иконы и поныне находится в церкви преподобного Сергия Радонежского). При большевиках у монастыря была изъята часть земли и строений, а в 1962–1964 гг. он находился фактически на осадном положении – из-за враждебных действий атеистической власти. Сейчас в нем проживает порядка 140 сестер.

Иоанн (Гарклавс) – в 1943–1944 гг. епископ Рижский. В период немецко-фашистской оккупации – защитник Православия и православных.

По некоторым сведениям, именно в Спасо-Преображенской пустыни отцу Афиногену довелось встретиться с частью монахов Псково-Печерского монастыря, главой которых там являлся архимандрит Агафон (Бубиц), ставший монастырским наместником после несправедливого ареста органами НКВД в октябре 1944 г. его предшественника, отца наместника, игумена Павла (Горшкова)⁴⁶.

Печерские иноки оказались в Латвии – в тихой (хорошо известной ныне) Преображенской обители под Елгавой (Митавой) – в связи с какими-то перипетиями войны. Спустя некоторое время после прибытия сюда они, однако, по приказу немцев были выселены из келий пустыньки.

Монахам пришлось выстроить себе неподалеку от монастыря – в болотистом месте, в чаще леса – жилища-землянки. Жили они по два-три брата в одном помещении и в определенные часы сходились на трапезу. Выстроили они и цер-

⁴⁶ Игумен Павел (Горшков; 1867–1950) – настоятель Псково-Печерского монастыря в годы Второй мировой войны, хороший монах и добрый человек; будучи арестован затем НКВД, отправлен в лагерь (Сиблаг МВД СССР в Кемеровскую область, Баимское отделение). Там же и скончался 6 июля 1950 года в 16 ч. 00 мин. в лагерьной больнице «по причине декомпенсационного кардиосклероза» и был похоронен в безымянной общей могиле. (Из справки Информационного Центра Кемеровского УВД от 9.02.1999 г.).

ковь, регулярно совершая в ней богослужения.

Печерский игумен (затем – архимандрит) Агафон и здесь оставался старшим – как бы настоятелем.

По окончании войны отец Агафон вместе с частью монахов вернулся в Псково-Печерскую обитель (по имеющимся сведениям – некоторые иноки тогда были даже подвергнуты насильственному вывозу из Латвии в Германию).

Такая встреча отца Афиногена с архимандритом Агафоном и иноками Псково-Печерского монастыря не прошла даром.

Прожив около четырех месяцев в Риге, 25 января 1945 года отец Афиноген выехал в Печоры. Вскоре по указу тогдашнего архиепископа Псковского и Порховского Григория (Чукова) [18] он был официально переведен из Преображенской пустыни в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Произошло это 10 февраля 1945 г. – при упомянутом настоятеле обители, архимандрите Агафоне.

Как уже говорилось, перед уходом из своей родной деревни – в поисках монастыря, где он смог бы поселиться навсегда, – будущий старец Афиноген молил Пресвятую Богородицу указать путь иноческой жизни: куда ему надлежит идти. И вот, более чем сорок лет спустя, Пречистая привела его наконец, в собственную Свою обитель – Дом Ее, носящий имя преславного Успения Божией Матери. Здесь отныне и нашел он после стольких лет тяжелых мытарств тот духовный покой, ту располагающую к монашеским трудам и молитве иноческую среду, что позволила ему достичь в последние годы жития особой степени богооткровения и богомыслия – поистине стать духоносным старцем⁴⁷.

В июне 1945 г. отец Афиноген был утвержден владыкой Григорием – тогда уже митрополитом Ленинградским и Псковским – в должности монастырского казначея и ризничего. Наряду с этими новыми трудами повседневным послушанием отца Афиногена, как и прежде, оставалось шитье церковных облачений и монашеских одежд. Как иеромонах он также исполнял и седмичную череду священнослужения.

⁴⁷ Любопытно, что вместе с отцом Афиногеном здесь же проходили свой монашеский путь еще два выходца из любанской Макарьевской пустыни, в разное время оказавшиеся в Печерской обители: бывший келейник ранее упоминавшегося владыки Макария (погибшего здесь во время бомбежки) – иеродиакон Вукол (1899–1970) и игумен Осия – схиигумен Онисифор (Михайлов; 1885–1980), монастырский кузнец. См. подробнее о них в Приложении 4.

24 марта 1947 г., в день Входа Господня в Иерусалим, отца Афиногена (уже при следующем наместнике обители – архимандрите Нектарии [19]) удостоили сана игумена и наградили палицей.

В 1949 г. епископ Порховский Владимир [20] благословил старца временно совершать богослужения на Псковском озере, на острове Залит⁴⁸, где отец Афиноген и прослужил несколько месяцев. Последние же тридцать лет жизни престарелого иеромонаха – вплоть до его кончины в 1979 г. – оказались уже неразрывно связанными с Псково-Печерским монастырем.

Отец Афиноген – старец Псково-Печерской обители

«Он всегда был добрый и ласковый...»

Начиная с 1960 г. отец Афиноген сделался братским духовником и, по благословению старца – мудрого иеросхимомо-

⁴⁸ Имеется в виду Нижний Талабский остров (или просто – Талабск) Псковского озера, где в единственном там поселении – Александровском Посаде – уже с конца XVIII в. существует каменная Свято-Никольская церковь, в которой и служил отец Афиноген (здесь же с 1958 г. постоянно жил и служил другой известный старец – протоиерей Николай Гурьянов). Остров этот, вместе с селом, был переименован большевиками в память их «героя-революционера», коммуниста-богоборца «тов. Яниса Залита».

наха Симеона, принял на себя еще одно послушание – «отчитывание» одержимых злыми духами.

С этого времени к отцу Афиногену стало приезжать множество страждущих – порой из самых отдаленных уголков России. Одни из них более страдали физически (чаще всего по грехам своим), другие – сугубо духовно, от бесов. Батюшка старался принимать и тех и других несчастных, стремясь по возможности облегчить их скорби, и немало больных действительно исцелялось.

Приведем здесь сначала два рассказа об исцелениях по молитвам отца Афиногена от болезней скорее чисто физического характера.

Об одном таком случае, произошедшем весной 1974 г., рассказала некая раба Божия Мария⁴⁹:

«Я стала плохо себя чувствовать – пошла к врачам: у меня обнаружили опухоль. Я сдала все анализы, их признали плохими; гемоглобин низкий. Меня назначили на операцию (в больницу) – на Березовую аллею. Я поехала, но там не положили – не было заключения областного онколога. Когда проверил онколог, заключение дал плохое – надо срочно на операцию. Мне достали номерок (направление) в Институт онкологии и акушерства – к профессору Савицкому. Его считали светилом, и он сказал тоже, что нужна операция – чем быстрее, тем лучше, потому что опухоль увеличивается

⁴⁹ Архив Псково-Печерского монастыря.

очень быстро. Я пришла домой и сказала, что без благословения батюшки не лягу на операцию, и на другой день поехала к батюшке. Все батюшке рассказала, и он говорит: “Иди в храм, исповедайся, причастись и зайдешь ко мне”. Я пошла в храм, но огорчилась, что батюшка исповедовал всегда сам в келье, а тут меня, больную, не пожалел, а послал в храм. Я все исполнила, зашла к батюшке, встала на коленочки; он надо мной почитал Евангелие и благословил – сказал: “Господь поможет”. Я спросила: “Батюшка, ложиться мне в больницу?” Он сказал: “Ложись, врачи Богом благословлены”.

Я легла в больницу; меня осмотрел другой профессор и спрашивает: “Вы операцию хотите?” Я ответила: “Вы же признали, что это нужно”. А он сказал, что совсем и не нужно никакой операции. У меня снова проверили анализы – и всё признали хорошим, и выписали домой. Я приехала снова к батюшке поблагодарить его, говорю: “Батюшка, вы меня исцелили, я поправилась”. Он сказал: “Господа благодари”.

Он всегда был добрый и ласковый».

Другой рассказ подобного же рода – анонимный⁵⁰.

Это исцеление по молитвам старца произошло в 1978 г. и описано так:

«Еду к батюшке, рука болит, и глаз совсем не видит. Плачу: “Батюшка, помоги! Ты только перекрести руку и глаз”.

Батюшка потрогал мне руку и сказал: “Да будет тебе по

⁵⁰ Из архива автора-составителя.

вере твоей”. И глаз перекрестил.

Через день домой уехала. Боль в руке прошла. И вдруг мысль: “Закрой здоровый глаз, читай другим”. А потом у меня в уме: “Ведь он же не видит совсем”. Но все-таки я попробовала так сделать, и оказалось – тот глаз прозрел и видит лучше, чем тот, который был здоров».

Но особенно часто к отцу Афиногену обращались за помощью страдавшие от бесов. В свое время при желании можно было бы собрать, по-видимому, немало свидетельств о победах благодатного старца над врагами нашего спасения. К сожалению, в те нелегкие для монастыря, как и для всей нашей Церкви, времена было не до того. Однако приведем, например, краткую, но характерную запись из весьма важного для истории жизни старца письменного источника – «Дневника» (за 1972 г.) келейницы старца – Надежды.

«Приехали из Норильска мать с дочкой. Девочке лет 5 – не говорит и не слышит. Мать рыдает: “Батюшка, помолись”. Стали они ходить вместе с другими к батюшке “отчитываться”.

Девочку подвели с трудом к елеопомазанию.

Месяца через два девочка стала говорить и слышать. И жили они [около монастыря] до [начала] учебы [девочки] примерно года полтора. Всё ходили к батюшке. И это не случайность, а чудеса. Я была очевидицей этого чуда».

Изгнание бесов, как известно, – труднейшее и весьма

опасное иноческое послушание: его поручают только самым опытным и молитвенно-защищенным старцам, ибо они, по сути, постоянно находятся на самой «передовой линии» сражения с «духами злобы поднебесной». Испытания врага и духовные опасности подстерегают их здесь на каждом шагу. Но отца Афиногена всегда ограждали от вражеских нападений искренняя вера, непрестанная молитва и удивительно смиренная незлобивость, как бы срастворенная спокойной монашеской рассудительностью.

Даже нередкие прямые столкновения его со злыми силами не нарушали его духовного равновесия: и в имевших место в его жизни «беседах» с бесами (случалось и такое!) он никогда не терял присущего ему душевного спокойствия и твердого упования на Господа, «сокрушающего вся злая».

В этом смысле весьма характерны рассказы старца о двух подобных его встречах с бесами – в 1975 г.

Вот как повествует об этом сам отец Афиноген в своем «Дневнике»⁵¹.

«3 июля 1975 г.

Расскажу еще один случай. Это было не так давно, может, с полгода тому назад.

Я был один в своей келье, и вот – в дверь входит лукавый дух.

Вначале в моем сердце появился страх от появления беса.

⁵¹ Архив Псково-Печерского монастыря.

Но это скоро прошло.

Вот и говорит мне бес: “Отец Афиноген! Я пришел к тебе с вопросом. Ответишь мне?” Я спросил: “Какой вопрос?” Бес отвечает: “Если бес захочет покаяться, то простит его Бог или нет?” Я говорю ему: “А ты помнишь, что сказал Господь Антонию?” Бес отвечает: “Нет, не помню – я там не был, там был другой. А что сказал Господь Антонию?” Я ответил: “Когда Антоний три ночи молился и просил Господа, чтобы Господь открыл ему эту тайну, то Господь сказал ему: “Я знаю, что бес каяться не будет. Но чтобы он не имел себе оправдания на Суде, так скажи ему: ”Пусть встанет лицом на восток и, стоя на одной ноге, непрерывно говорит: “Боже милостиве! Прости мне древнюю злобу”. Пусть так стоит три года. Вот если он это исполнит, то прощу его”. Тогда мой собеседник унылым голосом говорит: “Ох, я так не могу”... И скрылся от меня.

13 августа

После этого [беса] другой появился.

Мать привезла свою дочь, девушку лет 18, – отчитывать. Я пока читал, “он” ее все мучил; [потом] хотел убежать, а мне кричит: “Эй ты, попик, за что меня ругаешь?” Когда я кончил читать, то все успокоилось, а “он” говорит: “Ох, как я устал, как мне тяжело было”.

Из моей кельи [все] ушли, а “он” сел в коридоре и не уходит.

Я вышел и спрашиваю: “Ну, ты что же уселся и не уходишь?” А “он” отвечает:

“Отец Афиноген! А ты знаешь – кто я? Я – бывший Архангел. У меня тысячи молодчиков – и хорошо работают. Теперь все – наши”.

Я ему говорю: “Ну, не все, есть верующие, Божии”. А он: “Ну, это – маленькая кучка, а то все – наши”. Потом продолжает: “Знаешь, отец, ведь скоро конец этому свету”. – “Вот, – говорю, – вам тогда попадет”. А “он” отвечает: “Знаем мы, но зато теперь – наша воля”.

И я ушел к себе в келью. Вот какие явления бывают у нас».

Недаром Святая Церковь учит нас, что «сила Божия в немощи совершается». И вот мы воочию убеждаемся еще раз в жизненной справедливости этих слов: физически хрупкий и болезненный, всегда внутренне глубоко смиренный, отец Афиноген, укрепляемый этой благодатной силой, год за годом, десятилетие за десятилетием противостоял как человеческой злобе и сатанинским преследованиям безбожников, так и нападениям самого «врага» рода человеческого.

Старец всегда живо ощущал на себе покровительство столь истово любимой им Божией Матери и своих духовных «сотаинников» в каждодневном иноческом подвиге – преподобного Нила Столобенского, святого праведного Иоанна Кронштадтского, местных Псково-Печерских святых.

Особым же своим защитником он почитал святителя Ва-

силия Великого, чье имя получил при крещении. С этим святителем отец Афиноген имел как бы некую внутреннюю связь, – даже был порой (как утверждал старец) поучаем им в трудные минуты жизни, – и видел в нем первейшего своего защитника от бесовских нападений.

В одной из келейных записок старца сохранился, в частности, рассказ о явлении ему в «тонком сне» 4 марта 1977 г. «послания» от святителя Василия.

В это время старец находился, как он считал по своему великому смирению, «в состоянии самого низайшего греховного падения... по наущению лукавого духа. Я самых близких мне отцов стал осуждать... вспоминая их ко мне ложные отношения... От такого зла лукавый диавол вселился в мое сердце, и если бы не святитель Василий Великий, то он меня погубил бы в таком озлоблении сердца... Эта вся мысленная борьба с лукавым духом чуть не сожгла меня – и сердцем, и душой, и телом».

Именно в этот-то трудный для старца период сам святитель и поддержал его, успокоив мятущийся дух отца Афиногена.

Как рассказывает старец, в явленном ему «письме» святителя Василия было сказано: «...мы – знаем, когда у вас идет смущение; и когда вы нас просите – мы всегда вас слышим. Иногда ваши мысли сходятся с нашими».

В том же «письме», продолжает старец, «Василий Великий пишет: “Господь сказал: накажу людей неверующих и ис-

треблю их, а Своих сохранию: поставлю им печать на чело – крест, [так] что никакая бесовская сила не сможет повредить им, и Мои люди будут жить спокойно”».

Замечательно, что в июне того же года отец Афиноген поведал келейнице Надежде (сохранилась соответствующая запись в ее «Дневнике») о защите его святителем Василием от нападавшего беса. При этом старец завершил тогдашний свой рассказ такими знаменательными словами: «...бес сразу исчез, а Василий Великий говорит мне: “С тех пор, как нарекли тебе мое имя, не бойся, я всегда с тобой и охраняю тебя везде”...»

Постоянное реальное соприкосновение отца Афиногена с горным миром со временем настолько обострило его духовное восприятие бытия, что иногда давало ему возможность прозорливого видения грядущих событий.

Так, еще за десять дней до кончины своего духовного отца, схиархимандрита Пимена (Гавриленко) [21], старец говорил, что по тому «уже панихиду отслужили» и что «он уже отошел»...

Схиархимандрит Пимен (Гавриленко)

Еще одно проявление дара прозорливости старца засвидетельствовано в воспоминаниях жительницы тогдашнего Ленинграда, госпожи Рыжовой, посетившей Печерскую обитель весной 1969 года.

Свидетельство ее таково: «Во время Великого Поста я была в Печорах. Многие пошли к отцу Афиногену на исповедь, и я пошла. На исповеди я сказала о. Афиногену, что я не хожу в храм на вечернее богослужение – так как мой муж не любил, когда я уходила из дому. Он был в это время здоровым 63-летним мужчиной.

Мне о. Афиноген говорит: “Не ходи пока, не обижай его своим отсутствием. Вот он скоро умрет – тогда будешь ходить”. А я ему отвечаю: “Я не хочу, чтобы мой муж умер”. А он мне: “Это не от нас зависит”.

По возвращении из Печор я просила мужа сходить к врачу – проверить себя. А он мне отвечал на это: “Зачем я пойду к врачу, если чувствую себя – как никогда – здоровым”.

В 1969 году 3-го июня в 16 часов мой муж внезапно скончался.

Вот каков был о. Афиноген»⁵².

Духовные дары блаженного старца, его истинно монашеский образ жизни, благотворное влияние на печерских ино-

⁵² Архив Псково-Печерского монастыря.

ков и приходивших к нему мирян, наконец – всегдашнее добросовестное исполнение возлагавшихся на него монастырских послушаний – все это вызывало признательность и уважение не только со стороны его собратий-инок и многочисленной паствы, но и среди представителей священноначалия. Неудивительно поэтому, что со временем он был удостоен ряда церковных наград.

Так, 2 февраля 1962 г., в день праздника Сретения Господня, игумену Афиногену был вручен архиепископом Псковским и Порховским Иоанном [22] наперсный крест с украшениями – в ознаменование 50-летнего служения в священном сане и 60-летия иноческого жития. Несколько позже, в 1968 г., 22 мая, отца Афиногена возвели в сан архимандрита. В 1976 г. он был награжден орденом святого князя Владимира III степени.

В 70-х гг. старец много – часто и тяжело – болел, но, несмотря на слабое здоровье и весьма преклонный возраст – ему исполнилось уже 90 лет, он по-прежнему неустанно продолжал свои труды по духовному окормлению как инок Псково-Печерского монастыря, так и паломников-мирян.

С каким сердечным доверием, с какой искренней любовью относились к старцу его духовные чада из числа мирян, хорошо видно из воспоминаний Н. А. Крыловой, часто навещавшей отца Афиногена в последние годы его жизни (и даже читавшей Псалтирь над ним, уже почившим); ее рассказ

о «дорогом батюшке» и приводится ниже⁵³.

Из воспоминаний Н. А. Крыловой о старце Афиногене

«Еще в середине 50-х годов я бывала в Псково-Печерском монастыре и два раза посещала старца Симеона, а отца Афиногена тогда не знала; затем лет двадцать я в обители не появлялась. Года же за три до выхода на пенсию начала снова ездить сюда – к отцу Афиногену.

Впервые мы приехали к нему в понедельник Первой седмицы Великого Поста (было это году в 75-м).

После окончания службы в Сретенском храме отец Афиноген вдруг протиснулся к нам через толпу и благословил мою знакомую, монахиню; она и представила ему меня. Мы тут же стали просить его принять нас для духовной беседы, хотя и понимали, что время теперь не совсем подходящее – начало Поста. Старец, как всегда, не мог никому отказать и принял нас – на следующий день. Почему-то он посадил меня на свое обычное место, а сам присел рядом и выразил готовность выслушать. Я же от смущения смогла сказать ему лишь несколько самых общих слов, просила его молитвен-

⁵³ «Записки об отце Афиногене» были получены от их автора – Н. А. Крыловой – летом 1996 г. в Печорах (где она проживала с 1986 г.); тогда же Нина Александровна любезно поделилась и устными своими воспоминаниями о старце, весьма дополнившими ее записки. Все эти сведения и приводятся здесь – в виде единого и целостного ее рассказа об отце Афиногене.

ной помощи и, получив благословение, уехала. Но, по молитвам старца, на следующий год я вновь посетила обитель – и опять на Первой седмице Великого Поста. Отец Афиноген так же безотказно принял меня. А на третий год я уж попала к нему перед самым праздником Успения Божией Матери.

...Тогда у батюшки собралось нас несколько человек. Он рассадил всех вокруг, а сам присел на кровать. Я же спросила у него: “Батюшка, можно я рядом с вами на коленочки встану?” Он позволил. Я пристроилась у его ног, и вот – пока другие рассказывали ему о своих скорбях (а он им отвечал), я, стоя перед ним на коленях, все это время проплакала. От слез я ничего не видела вокруг. Только ощущала на голове чью-то руку и думала, что это находившаяся тут же моя знакомая выражала так мне свое сочувствие – но, как потом я узнала, это сам батюшка так утешал меня, горько плакавшую. Затем он обратился и ко мне: “Ну вот – другие всё о себе рассказали, а ты что поведаешь?” Я же ответила: “А я, батюшка, уже всё вам сказала”, – имея в виду свои, так облегчившие мою душу, слезы. Он благословил меня. Собрались уходить. Я стала просить: “Батюшка, дайте мне на память о себе что-нибудь – хоть тряпочку какую-нибудь”. Он начал ходить по келье, приговаривая: “Ну вот и задачу же ты мне задала”. Наконец он нашел платочек с вышитым цветком в уголке и подал, улыбаясь, со словами: “Что ж – вот тебе платочек, вот тебе и цветочек”... Я потом всё носила батюшкин подарок на груди.

Поначалу я собиралась сразу же после посещения отца Афиногена уехать обратно во Всеволожск, где проводила тогда лето; там намеревалась быть и на самый праздник Успения. Но батюшка, узнав об этом, сказал: “Что так? Все сюда к нам на праздник едут, здесь у нас такое торжество, а ты – отсюда”. Я ответила: “Да мне там нравится, там – тихо, народу – мало. А я не люблю – когда толчея, народ”. Он удивился: “А ты что же – не народ?” Тут уж я, конечно, осталась и была совершенно потрясена праздничной монастырской службой. И так стала я ездить к батюшке часто – исповедоваться у него. Я тогда еще работала, но все равно, бывало, приеду в ночь под воскресенье, утром поисповедуюсь, причащусь – и сразу снова на автобус, обратно домой.

...На исповеди батюшка прежде всего требовал осознавать два великих наших греха и каяться в них: первый – это неблагодарность Богу за всё, что Он дает нам, а второй – отсутствие истинного страха Божия, благоговения перед Ним; а уж потом нужно было рассказывать о всех других грехах, из этих двух проистекающих. Исповедовал батюшка хотя и строго, но милостиво и обычно не назначал никаких особых епитимий... А ведь у нас священники, тем более молодые, нередко стараются – якобы “по-старчески” – даже, быть может, и излишне епитимьи накладывать. У батюшки же этого в обычае вовсе не было, и порой он говорил, вздыхая: “Вот приду ко Господу – Он меня и спросит: почему не давал епитимий? А я только и отвечу: уж очень я народ любил”.

Вообще всегда чувствовалось, что он как-то особенно живо ощущал (при всем его самом неподдельном смирении) естественную неразрывность своей связи с Богом. Помню, однажды батюшка, сидя за столом, вдруг произнес: “Господь мне сказал: ты да Я, да мы с тобой...” Я тут же и подумала. “Что это батюшка – уж не в прелести ли он какой?”

Обычно ведь люди так о себе не говорят. А монахи, подобные ему, – так те себя иногда даже еще и слишком унижают”. Но не успела эта мысль во мне промелькнуть, как он сразу же и продолжил (впоследствии я не раз убеждалась в том, что он нередко знал, о чем я думаю): “Вот говорят: отец Афиноген – старец; да какой же, мол, он старец – он просто в прелести...”

Святые врата Псково-Печерского монастыря. Фото третьей четверти XX века

Однако батюшка – будучи конечно же одним из достойнейших печерских иноков – всегда оставался преисполнен самого глубокого смирения и часто говорил о всеобщем нашем недостоинстве пред Господом. Как-то раз я спросила его по поводу сильно болевших язв у него на ногах: “Вы, батюшка, верно, очень от них страдаете?” Он ответил (одновременно – с самоукорением и со столь свойственной ему порой шутливостью): “Мы страдаем – за вас, а вы – за нас, за грехи поповы – за то, что нынче мы, попы, бестолковы”. Все это, разумеется, он говорил оттого, что сам считал всякое самоукорение, осознание своей греховности драгоценным христианским даром и что скорбь о своих грехах как раз и отличает нас от безбожников, делая нас – через наше же покаяние – “Христовыми”.

В связи с этим вспоминается такой наш разговор. Я тогда еще сравнительно молодой была. Летом, живя на даче, любила еще и пройтись – погулять на свежем воздухе. Но от этого иногда на душе так тяжело становилось! Вот иду раз мимо соседнего дома – люди там сидят во дворе, отдыхают, в карты играют, а я все думаю: вот ведь ни о чем духовном даже и не помышляют, ничего-то, бедные, не переживают. Приезжаю затем к батюшке и горько плачу – от пустоты такой жизни, а он вдруг и спрашивает: “Ну что – всё гуляешь?”

Отвечаю: “Да”. И опять плачу. А батюшка продолжает: “Вот люди-то – всё сидят, всё в карты играют, ни о чем духовном не думают. А мы ведь – мученики Христовы!” Я удивилась – как он мои мысли знает – и подумала: “Да отчего же – мученики? Какие же мы – мученики?” Он тут и отвечает: ”А оттого, что если мы и согрешаем, то ведь как потом-то сами о своих грехах страдаем – и тем мучаемся... И вот хоть нас и мало, а всё же мы-то – Христовы!”

Сам он очень скромный был и не терпел, когда кто-нибудь его хвалить начинал. Один год, когда я летом в отпуск приехала в монастырь, он меня даже и на порог кельи не пускал – из-за того, что узнал, как я его перед этим в Петербурге всё прославляла; так и пришлось довольствоваться его благословением на монастырском дворе.

Но и находясь в келье, батюшка порой знал о нашем (своих чад) духовном состоянии. Помню, уже незадолго до его смерти (он тогда очень страдал из-за язв по всему телу) я, по милости Божией, ходила к нему каждый день – хоть чем-нибудь иногда помочь его келейнице и побыть с ним рядом. И вот как-то раз иду так к нему и вслух все твержу: “Дорогой мой батюшка, как ты страдаешь, батюшка дорогой...” Прихожу, а келейница и говорит: “Это, верно, ты шла да все кричала: “Батюшка дорогой, дорогой мой батюшка”. Я удивилась, отвечаю: “Да”. А келейница мне: “Вот лежит он сейчас и еле слышно все повторяет: “Бегают и кричат: батюшка дорогой! батюшка дорогой! А что кричать-то? У меня-то вот у

самого и говорить-то сил нету...”

Следует особо сказать, что отец Афиноген был не только мудрым и опытным духовником, но нередко проявлял и благодатный дар прозорливости. Помню несколько подтверждающих это случаев.

...Однажды я очень плохо себя чувствовала: думала – и до пенсии не доработаю. Но отец Афиноген тогда твердо сказал: “Доработаешь! Да еще и потом там же потрудишься, еще сможешь им”. И действительно – доработала до полного “стажа”, да еще и переработала там потом полгода.

А вот другой случай. Как-то бабушка вдруг говорит мне: “Нина! Тебе предстоит суд и следствие, которое сразу не закончится”. В это время я уже находилась на пенсии, но по роду моей бывшей работы могли все равно возникнуть подобные неприятности. Я заранее очень расстроилась. Келейница же бабушкина на это заметила: “Да что это ты говоришь? Ведь она уже на пенсии”. А бабушка никогда в таких случаях не возражал – только, бывало, скажет: “Ну-ну” – и всё.

Разговор этот был летом; постепенно я о нем и забыла – прошло с полгода. Но вот 5-го января (году, кажется, в 78-м) в квартире, где я проживала, во время моего отсутствия прорвало кран горячей воды и залило три квартиры внизу; мне предъявили счет на очень большую сумму – за ремонт этих квартир. Но, разумеется, кроме небольшой пенсии, денег у меня никаких не было; я и говорю: “Ни в чем я не виновата, и денег у меня нет, хотите – хоть в суд подавайте”.

И вот тут-то я и вспомнила батюшкины слова. Суд действительно состоялся. Я пыталась доказать, что все это произошло не по моей вине. Потянулось следствие, была назначена техническая экспертиза, а суд отложили. Поехала я к батюшке – рассказала о случившемся, а он и говорит: “Что с тебя, пенсионерки, взять? Да мне и ”Обер-Прокурор” (это он Господа разумел) сказал, что ничего тебе не будет”. Так всё и вышло. Явился эксперт в апреле – а у меня уже давно новый кран поставили: развел эксперт руками, да и ушел. А суда никакого так больше и не было.

Еще о себе расскажу. Очень мне тогда хотелось в Печоры насовсем переехать. Я даже объявления об обмене пыталась в газетах давать, расспрашивала знакомых – может, кто поменяется. Но батюшка на это говорил: “Не время, Нина. Да и кто за мамой будет ухаживать? А придет время – саму найдут”. Так и получилось. Маму вскоре парализовало: она более полутора лет пролежала – я за нею ухаживала. А уже после смерти батюшки, через несколько лет, желающие сами нашли меня и предложили обмен на Печоры, где вот теперь и живу.

...Другой случай прозорливости старца, быть может, кому-то покажется и не слишком значительным, но мне особенно дорог. Уже перед самой его кончиной я как-то стояла в Михайловском соборе перед образом моего любимого святого – угодника Божия Серафима Саровского – и поду-

мала: “Вот бы батюшка благословил меня иконочкой этого преподобного, которая у него в келье, – точно такая же, как в соборе”. И тут же сама себе отвечаю: “Очень многого уж ты хочешь!” После службы прихожу к старцу, а он вдруг и говорит келейнице Надежде: “Дай-ка ей иконочку Серафима Саровского” – и благословил меня ею.

Вообще же духовная пронизательность отца Афиногена, при всей его внешней “простоте”, была иногда просто удивительна.

Как-то приехала со мной к нему одна замужняя особа – но еще молодая. Батюшка смотрел-смотрел ей в глаза, а потом и говорит: “Ох, уж у тебя и глаза! Ох, и глаза! Надо бы тебе остановиться...” А позже я узнала, что она изменяет своему мужу.

Прозорливость старца проявлялась временами даже и на большом расстоянии: для духовных даров ведь и оно – не помеха.

...Был у меня знакомый военный, майор. Он тоже – правда, изредка – ездил к отцу Афиногену на покаяние: пил порой запоем, но, по молитвам батюшки, стал все же пить меньше. И вот узнала я о его смерти и написала старцу письмо с просьбой поминать усопшего Василия... Приезжаю потом в обитель, а келейница, матушка Надежда, и говорит: “Вот поминает батюшка твоего знакомого, но почему-то – как убиенного Василия. Уж не раз его спрашивала: “Что ты не дело говоришь?” А он всё свое продолжает”. Удивилась

я тогда этому, а потом выяснилось, что батюшка прав оказался. Смерть Василия была трагической: его как-то привели – видимо, уже нетрезвого – домой, дали еще выпить, да и удавили на галстукe – как будто он сам удавился. Но все это выяснилось лишь значительно позже...

По молитвам отца Афиногена случались и исцеления. Так, по милости Божией, благодаря молитвенному предстоянию старца исцелилась моя знакомая, жительница Петербурга – Мария Емельяновна Голубева (случилось это приблизительно в 1977 году). У нее очень болела спина, и она временами не могла даже вставать с кровати – как все мы обычно встаем: ей надо было буквально сползать с нее на пол, а уж потом постепенно подниматься. Приехав к старцу, она попросила только помолиться о ее грехах да перекрестить ей спину – может, полегчает. И вот батюшка взял крест и осенил им ее с молитвой, да еще и по спине постучал. Вернулась она домой, а через неделю боли в спине и прекратились.

Мария Емельяновна работала тогда бухгалтером, но вскоре наступил срок ухода ее на пенсию. Приехав к батюшке в очередной раз, она просила его благословения поработать на прежнем месте еще. Но он благословения на эту работу не дал, а сказал: “Потом еще поработаешь – дворником”. Удивилась она, но вот прошло немного времени – и разболелась ее мать: разбил паралич. Пенсии на жизнь не хватало – нужно было где-нибудь подрабатывать, но и на целый день мать одну не оставишь; вот и устроилась она на работу в своем

же доме – убирать и мыть лестницы, причем указали ей написать в заявлении: прошу принять на работу дворником. Тут-то и сбылись батюшкины слова. Стала она так трудиться, но вскоре заболела у нее правая рука – невозможно работать! Поехала она снова к отцу Афиногену (а до этого сколько врачей обошла, сколько разных процедур ей назначали – ничего не помогало!). Вот пришла она со мной к старцу. Тот взял ее за руку со словами: “И что это она у тебя болит?” – и помолился. На другой день мы снова пришли к батюшке. И вот опять берет он ее за руку и те же слова повторяет: “И что же это она у тебя все болит?” И тут, к радости своей, моя знакомая почувствовала, что боль в руке ослабела, а вскоре и вовсе прошла».

Таковы некоторые из свидетельств «мірянки», духовной дочери отца Афиногена, – об этом добросердечном и богомудром пастыре.

Но и сами печерские иноки, некогда общавшиеся с ним, всегда с особой душевной теплотой вспоминают о старце как об истинном христороубце.

Как монастырский духовник старец Афиноген всегда был одновременно и взыскателен, и любвеобилен, – снисходя к слабостям человека, но скорбя о его грехах. При этом он отличался требовательностью прежде всего к самому себе и неизменно – по возможности – стремился дать трезвый и точный ответ на любой задаваемый ему вопрос.

Показательна одна запись его на эту тему, когда он долго мучился над тем, как ясно и притом кратко ответить вопрошавшему у него о будущем нашего грешного мира. Как пишет старец:

«Я... должен дать одним словом ответ. Я... думал – что мне сказать, но никак не мог найти такое слово. Девяносто пять лет прожил – и не могу дать ответ.

Этот человек и сам в духовных вопросах очень сведущий, и я подумал, что, быть может, он меня искушает. Но потом я мысленно обращаюсь ко Господу и говорю Ему: “Господи, я человек грешный и неученый. Скажи мне, каким словом ответить”.

Тогда голос говорит: “Христос воцарится”.

На этом кончилось. Это было: 1976 год, месяц май, 27, на преподобного Нила Столобенского. Я, убогий архимандрит Афиноген, заверяю, что это не сон и не выдумка, а действительность».

В эту запись отцом Афиногеном позднее было внесено дополнение:

«1976 год, месяц сентябрь.

Я и говорю: “Вот и хорошо. Христос будет наш Царь, а мы – Его дети; что попросим, то Он все нам даст, и будем жить без печали”...»

Как и все в своей жизни, старец стремился согласовывать с Божией волей даже свои ответы вопрошавшим, и, судя по

этой краткой, но, можно сказать, поистине богодухновенной записи отца Афиногена, многие из его ответов несли на себе тайный отблеск Божественной благодати.

На пороге вечности

Из «дневника» старца Афиногена

В завершающий период своего жития старец все более и более «прилеплялся к Небесному». Во «внешнем» житейском «миру» становясь все более беспомощным физически, внутренне же уподобляясь порой чистому и совершенно незлобивому ребенку, он одновременно все полнее обретал духовный опыт богообщения и все яснее прозревал мир горний.

О том, сколь высокого уровня тайнозрений достигал он иногда в эти годы, свидетельствуют собственноручные его записи – о видении им «прекрасных цветов» и пасхальной Трапезы Господней с апостолами, о беседах его с Самим Господом и Божией Матерью.

Тексты эти просты и безыскусны, но исполнены такой искренней живости, столь духовно чисты и непосредственны, что их необходимо привести здесь полностью – в том самом виде, в каком они и были сразу же – после видений – записаны отцом Афиногеном.

Вот как он рассказывает, например, о бывшем ему однажды ночном явлении «міра иного».

«1974, февраль.

Первая неделя Великого Поста; на вечернем богослужении читается Великий Канон св. Андрея Критского – первые четыре дня. Монашествующие, конечно, обязательно должны присутствовать. Я, конечно, посещал [службы] тоже, и вот в четвертый день, в четверг, я пришел из храма и в девять часов прочитал правила молитв, а в одиннадцать часов лег в кровать – закрылся одеялом с головой, так как было прохладно в келье.

Лежу, глаза не закрываю, хотя под одеялом ничего не вижу – только чувствую, что я не сплю. И вот вдруг вижу, что стена и потолок стали белые, и вдруг я очутился между стеной нашего дома и горой, и это все исчезает; и явилась полоса цветов длиной метров в 30 и в ширину метров 20. Я стою и люблюсь, а они цвета темно-красного, высотой в полметра. Очень красиво. Я наслаждаюсь; и вот это – как в раю. Но в раю лучше, там приятный запах: а ну-ка я понюхаю? Наклонился, подышал на них, запаху приятного не было. Я и думаю: там – райские цветы, а здесь [хоть и] земные, а как приятно на них смотреть – и душа и сердце радуются.

И вдруг является мысль, что это сон, а я говорю: “Какой же сон, когда я все вижу и чувствую, и говорю, и слышу”.

Смотрю – цветы от меня начинают исчезать. Эти [цветы]

исчезли – смотрю дальше туда кверху, а там на горе какая-то вроде часовня на четырех столбах, сверху крыша похожа на купол церковный. Тут тоже цветы, но не такие высокие и в широких деревянных вазах. Ну эти цветы недолго мне пришлось видеть – максимум пять, не более, минут. Потом это все изменилось, и я очутился на той стороне дома, на дворе, но здесь [ничего] не было, а только чистое поле.

Я посмотрел и говорю: “Пойдем домой” – и сразу же очутился на своей кровати под одеялом с открытыми глазами. И лежу, и думаю: “А где же я нахожусь-то?” Открыл одеяло, смотрю: “Да ведь же в своей келье... так, а где же я был?” И тут же заснул.

Когда я проснулся, так эти цветы меня не оставили. Ум не мог от них отстать, а на душе и сердце приятное ощущение. Потом я пошел к полунощнице – и там от меня не отходило это воспоминание. Потом я стал думать: почему это так было со мной? Не спал, а без тела куда-то уходил. Значит, душа вышла из тела, и ей были показаны эти цветы и прочее».

...Еще более назидательна и духовно-значительна вторая запись, посвященная чудесному видению Тайной Вечери, которого отец Афиноген удостоился в 1977 г.

Вот текст этой записи.

«Я, архимандрит Афиноген, хочу написать, какое Господь мне открыл видение – как Он совершил пасхальную Тайную

Вечерю.

Конечно, как в Евангелии написано, так все и было. Но там можно только представлять в мыслях, а здесь я был – как сообщник с ними.

Прежде началось с умовения ног.

Я там не присутствовал, но стоял в стороне, а когда кончилось умовение, тогда Христос встал к стене впереди меня, а я стоял позади Его. Христос тогда снял с Себя хламиду и одел Свою одежду и стал говорить ученикам: “Вот вы называете Меня Учитель и Господь. Да, это так. Если Я, Учитель и Господь, умыл вам ноги, – Я дал вам образ, чтобы и вы умывали ноги друг другу с любовью”.

Потом Он встал и подошел ко мне.

...Вот подходит жена блудница, падает к ногам Его и говорит: “Учитель добрый и милостивый, я ничего не имею – только блудные дела. Я хочу покаяться, прими блудную жену”. Пала она к ногам Его с великим воплем и рыданием, [слезами] обливала ноги Его.

И я тоже пал к ногам Его и с плачем сзади обливал [слезами] ноги Господа Иисуса Христа и говорил: “Господи Иисусе Христе! Прости грехи, я же согрешил от юности моей даже до сего дня и часа”.

Потом, – когда мы наплакались, – говорит [Он] жене: “Жено! Встань, отпускаются тебе грехи, иди в мире”.

А я на коленях стою. Господь дал мне руку, поднял меня и сказал: “Грехи твои давно прощены”. Еще Господь сказал:

“Знаешь – как хорошо хотя один псаломчик в день прочитать. Как рада душа слышать слово Святого Духа”.

Апостолы садятся к столу; один из них подходит и говорит: “Учитель, Вас ожидают к столу, все приготовлено”. Тогда Господь берет мою руку и говорит мне: “Пойдем!” Мы подошли к столу; Он садится на Свое место, а меня держит за руку. Когда все уселись, тогда Он говорит: “Желанием возжелал ясти с вами пасху, но не все вы чисты. Один из вас – предатель”. Тогда все возмутились, и каждый говорил: “Не я ли, Господи?”

Иуда-предатель тоже говорил: “Не я ли, Равви?” А Петр повернулся лицом к Иоанну и мигает ему – спроси. Тут Иоанн приклонился ко Господу на грудь и говорит: “Господи! Скажи – кто?”

Тогда Господь говорит: “Омочивый хлеб со Мною в солило, ему же подали, тот есть”. И тот [Иуда] взял хлеб – вниде в него сатана, и сразу он ушел.

Когда Апостолы ели пасхальный агнец, Христос взял хлеб, возрев на небо, разломил, освятил и стал давать святым Своим ученикам и Апостолам: “Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов”. И, возрев на небо, взял чашу с вином, благословил, освятил и сказал: “Пийте из нея вси, сия есть Кровь Моя, Нового завета, яже за вас и за многия изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание. Еже от чаши пиете, Воскресение Мое исповедуете, а еже от хлеба сего ядите, смерть

Мою возвещаете, дондеже прииду”.

Христос говорит ученикам: “Дети Мои, прискорбна есть душа Моя о разлуке с вами, наступает час – и вы оставите Меня, все разбежитесь”. И когда все кончил, сказал: “Идем в Вифанию”.

Апостолы запели и пошли, а мне Господь сказал: “Встань и иди, куда Я скажу. Там стоит много людей за дверью, ты скажи им – Создатель всех повелел мне... Скажи всем людям, чтобы они призывали их Создавшего и Ему усердно служили и благодарили их Искупившего и новую жизнь Дающего и небесную радость Обещавшего”.

Еще говорит Господь: “А потом ты иди к себе, ни с кем не говори, но знай себя, смотри в себя; а когда придешь к себе, то можешь отдохнуть, а потом причастишься Святых Таин и тогда внимательно смотри в свою душу – что она будет чувствовать: будет ли благодарна Тому, от Кого получила сей дар?”

Я понял, что мне сказал Господь. Я тогда говорю: “Господи! Благодарю Тебя за все” – и поклонился Ему до земли и поцеловал ножки Его.

Господь мне сказал: “Я теперь оставлю тебя, а потом увижу”. И скрылся.

Я остался один. Только Матерь Божия со мной – и теперь не оставляет меня.

Я, архимандрит Афиноген, кончил описание сего откровения и видения.

24 августа 1977 года».

«Помни о конце твоём...» – «Только дух...»

Земная страда старца приближалась к концу. Тень смерти все чаще маячила перед ним.

Подобно всякой Божией твари на земле, он нелицемерно любил нашу дольную жизнь, но, как и каждый истинный христианин, всегда воспринимал смерть в качестве единственного (хотя чаще всего неизбежно болезненного) пути к Жизни Вечной, ради которой он и жил, и дышал.

В течение своего долгого земного бытия старец неоднократно получал своего рода «смертные предупреждения» и потому по-монашески трезвенно всегда имел «память смертную» – по древнему мудрому завету: *Во всех делах твоих помни о конце твоём, и во век не согрешишь* (Сир. 7, 39).

Еще в 1977 г. он предсказал срок собственной смерти, сказав келейнице, что ему осталось жить два года.

Среди воспоминаний отца Афиногена сохранилось любопытное свидетельство его о личном духовном опыте касательно «смертной памяти» – несколько записей старца под общим названием: «Бывшие мне от смерти предупреждения».

Он, безусловно, признавал эти «предупреждения» весьма полезными для своего монашеского духовного устройства и

душепочтительно – прежде всего по отношению к самому себе – дорожил ими. Именно так, пожалуй, и можно объяснить то, что он столь подробно описал все бывшие ему «предупреждения» – и, по-видимому, в назидание не только самому себе, но и каждому из нас, христиан, заботящихся о своем спасении, дабы смертный конец не застал нас неожиданно («как тать в нощи») – не готовыми к нему, нераскаянными грешниками.

«Предупреждений» таких отец Афиноген имел три. Вот как он описывает их.

«1. В 1949 году я был направлен служить на остров Залит епископом Владимиром, настоятелем Псково-Печерского монастыря. Я жил там у одной женщины-вдовы пожилой – Александры.

На второй неделе Великого Поста в тонком сне [вижу]: как бы в какой-то комнате я стою, а люди входят и выходят. И вот один человек подходит ко мне и говорит: “Вот – вам письмо”. А я спрашиваю: “От кого?” Он отвечает: “Прочитайте – узнаете”. Я из конверта вынул письмо и смотрю, что [это] мой почерк, и говорю: “Что же, это – мое письмо...” А он советует: “Посмотрите на второй странице”. Я перевертываю на вторую сторону и смотрю – написано три строчки... Читаю: “Давно я к вам стремлюсь, но никак не могу выбраться, а теперь надеюсь, что скоро увижу вас в объятиях”. И как бы сразу голос – и говорит: “Так это смерть”. Сразу у меня сердце забилось, и я очнулся. Ну, думаю, извещает смерть,

что скоро хочет прийти ко мне.

2. Второе видение – это было здесь, в монастыре, в 1955 г.

Тоже в тонкой дреме: я как бы стою на улице за городом. Смотрю, впереди меня чистое поле, а далече туда, вперед меня, – лес, и вдоль леса дорога, и много народа идет в обе стороны. А я смотрю и думаю: “Что же это за народ?” И чувствую, что кто-то позади меня – стоят какие-то две тени. Я их не вижу, – потому что смотрю вперед, – а чувствую. Так вот – слышу, что один говорит: “Ну, что же – дать ему два года, ну, много – три, больше некуда же ему” – тоном повелительным, а другой отвечает тоном пониже: “Да, конечно, куда же ему больше-то”.

Я думаю: “Кто же это такой мне назначает смерть?” А голос тихо, как бы шепотом, говорит: “Это Ангел смерти и Ангел Хранитель твой”.

Я сразу как бы в испуге очнулся, и так мне это запечатлелось на сердце, что долго из мысли не выходило, а твердилось: “Ну, что же – дать ему два года, ну, много – три”.

3. Третий раз было в 1960 г., в октябре месяце, за 10 дней до Михайлова дня. Я был заболевши. Заболел я в пятницу. В субботу и воскресенье я никуда не ходил.

И вот с воскресенья на понедельник, часов около 12, не спал, но напало какое-то забытье. Лежу, чувствую, что у кровати моей – у головы – стоит смерть и говорит: “Через три

дня я приду за тобой”. Я в испуге сразу очнулся и думаю: “Что же мне делать?” Три дня я считаю: понедельник, вторник, среда – последний день. Что же теперь сделаешь – да и больной? “Ну да будет воля Господня”, – так и успокоился.

Ну а дальше проходит понедельник; приходит врач – смотрел, дал лекарство и ушел.

Ну, вот вторник, вечер. Я думаю, что завтра – последний день; когда смерть придет: днем или ночью? Ну, думаю, конец: как уж Господь судит – то и будет.

И вот в первом часу ночи задремал, и представляется, что я стою в своей келье и смотрю в окно в сторону Благовещенской церкви. У часовни вижу: стоят между церковным зданием и часовней какие-то мужчины ко мне спиной – так что лица их мне не видны. Их человек пять или шесть. Головы немного подняты вверх; и говорят. И я слышу – назвали мое имя, Афиногена. И я смотрю – что они: на меня жалуются или просят за меня?

И вдруг голос говорит властно: “Ну, пушай живет!” ...

И после этого [я] стал поправляться, и через три дня стал здоров, а потом и говорю: “Значит, есть за меня ходатаи перед Богом”.

Богу нашему слава, честь и благодарение всегда, ныне и присно и в вечные веки. Аминь».

На закате дней своих старец Афиноген стяжал совершенно мирное отношение к смерти и ждал ее – как избавления

от уз земных скорбей и болезней, говоря порой: «Во мне нет уже ничего живого, только – дух».

Однако и готовясь к переходу в вечность, старец не терял чувства живого интереса и любви к окружающим, к братьям-инокам.

Как вспоминает его келейница Надежда: «Сколько у батюшки было ко всем любви – очень он всех любил. Иногда и не может, а все идет на трапезу – скажет: “Хоть я на братию посмотрю, все – отцы святые”. Уже болел последнее время, а как он любил ходить на трапезу – чудо: последний раз я его уже не вела, а почти что несла на ступеньках – он шел на четвереньках. Говорю: “Батюшка, кушай в келье”, а он ни в какую не соглашается – вот какова была его любовь к людям».

Примерно за два месяца до смерти старцу еще довелось участвовать в монастырском богослужении – в день Святой Пасхи.

Более в этой жизни он уже не служил в Божием храме.

7 мая 1979 г. отец Афиноген – уже неизлечимо больным – был пострижен в схиму с именем: Агапий.

Перед самой кончиной старец ежедневно приобщался Святых Христовых Таин.

Умер он 24 июня 1979 г.

Кончина его была – как и жизнь – смиренна и в высшей мере благочестива. Отпевание усопшего инока, состоявшееся в Успенском соборе обители, совершил митрополит Псковский и Порховский Иоанн в сослужении заместника

Псково-Печерского монастыря архимандрита Гавриила [23], собора монастырских старцев и множества прибывших отовсюду клириков.

Гроб с телом отца Афиногена, или теперь уже – схииерхимандрита Агапия, был перенесен в «Богом зданные» пещеры обители и поставлен в нише возле пещерного храма Воскресения Христова: блаженный старец упокоился наконец от всех дел мира сего, перейдя отныне в мир иной – к небесному престолу своего Вечного Хозяина.

Казалось бы, на этом и могла завершиться краткая повесть о старце Афиногене. Но вряд ли история его земной судьбы будет достаточно полной, если не обратиться (помимо автобиографических его заметок и воспоминаний о нем) к еще одному замечательному свидетельству о старце – к уже упоминавшемуся «Дневнику» его келейницы Надежды, – опубликовав ныне здесь его почти целиком.

Рассказы отца Афиногена о его благодатных тайнозрениях мира иного, повседневные беседы с келейницей и высказывания о сущности жизни во Христе, – все, что она кропотливо, с любовью к дорогому «авве» записывала на протяжении нескольких лет, – еще зримее раскрывают перед нами почти младенчески чистую и в то же время умудренную благодатью Христовой, светлую душу приснопоминаемого старца.

Архимандрит Афиноген

В этих записях о нем мы как бы лицом к лицу вновь встречаемся со смиренным печерским подвижником, вновь слышим его живой и добрый голос; и вот – и по кончине старца, даже из-за гроба – доходят до нас не только его непрестающие молитвы, но, благодаря этим дневниковым заметкам, и столь простые и ясные пастырские увещания его к нам жить во Христе и по Христу – так, как прожил и сам он всю свою долгую и благочестиво-прекрасную жизнь.

Обратимся поэтому теперь к страницам промыслительно созданного в назидание нам «Дневника», к этим свидетельствам благодарной памяти о боголюбивом старце, вновь и вновь вспоминая слова Премудрого: *память праведника пребудет благословенна* (Притч. 10, 7).

II. Жизнь, ставшая житием

Старец Афиноген с монахиней Надеждой

Монахиня Надежда

По сути, все важнейшие сведения о последних годах жизни старца Афиногена, которыми мы располагаем, и дошли до нас только благодаря его келейнице – монахине Надежде⁵⁴

⁵⁴ До монашеского пострига, «в міру», – Екатерина Михайловна Бакшаева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.